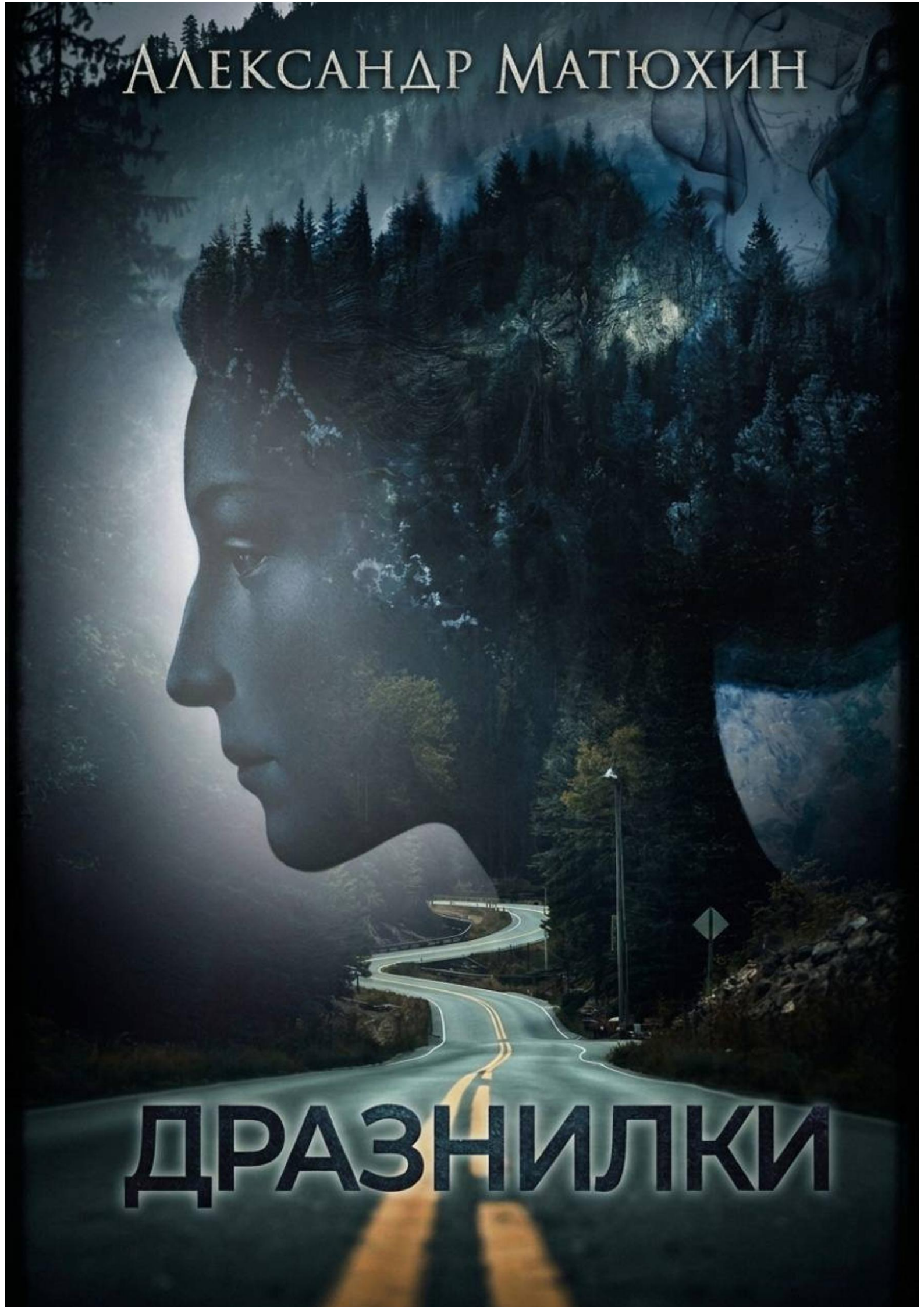

Александр Матюхин
Дразнилки

Александр Матюхин

Дразнилки

«Автор»
2026

Матюхин А.

Дразнилки / А. Матюхин — «Автор», 2026

В небольшом курортном городке в начале двухтысячных пропадает старшеклассник. Обычный задиристый пацан: полный жизни, наглый и готовый на многое, чтобы сохранить статус дворового вожака.Поиски не дают результатов. И лишь время от времени в городке продолжают тихо исчезать люди.Проходит двадцать лет — и паренек возвращается. Он не повзрослел ни на день... Но изменился. И теперь хочет отомстить? Или просто вернуть то, чего когда-то лишился?Пошататься по улицам после наступления темнотыПодразнить немного старых друзейСыграть в одну веселую игруЭта история — про извечное тщетное бегство от ошибок прошлого. Про взросление и подростковую жестокость. И про то, как, случайно дав выход ярости, можно открыть вход чему-то, куда более страшному

© Матюхин А., 2026
© Автор, 2026

Александр Матюхин
Дразнилки

Пролог

– Лёва выйдет?

Мальчишеский голос вырвал Ивана Борисыча из дрёмы.

– Что? Какой Лёва?

Приснилось будто на улице февраль, а Иван Борисыч не закрыл окна: за несколько минут в квартиру намело снега, который таял рыжими кляксами вдоль батарей, на подоконниках, на диване и даже на телевизоре.

Но на самом деле сейчас подбирался конец июля, оглушительная жара – такого душного лета Иван Борисыч не помнил давно. Кондиционер не справлялся, приходилось открывать окна, чтобы вечерняя прохлада хотя бы немного вытесняла жар из квартиры.

– Нам бы Лёву! – звонко крикнули с улицы. – У нас клюшки есть, пусть шайбу захватит! И гвозди!

Старенькие электронные часы на телевизоре показывали половину второго ночи. Гулять в такое время?

Или это туристы, решил Иван Борисыч. На юге каждое лето так: с мая по сентябрь не продохнуть от приезжих. Шляются на море, по кафе и ресторанам, устраивают полуночные посиделки на лавочках и в парках. Музыка из колонок, а ещё караоке, гитары, пьяные песни. Наплевать им на всех и вся.

Он прислушался к темноте, к улице. Если сейчас музыку врубят – пойдет ругаться. Где-то в шкафчике в коридоре лежала бумажка с телефоном участкового.

В квартире было темно и пусто. Иван Борисыч частенько засыпал в кресле перед телевизором (автовыключение – чудо техники!), а уже среди ночи перебирался в спальную комнату. Иногда так и просыпался с утра в кресле, с затекшей шеей, скрюченный в три погибели. Давно уже не молодой и не прыткий.

– Где же Лёва? – мальчишеский голос разорвал тишину. Что-то звонко ударилось о стекло.

Иван Борисыч вздрогнул от неожиданности. Остатки дрёмы стерлись.

– Что за бред? – проворчал он, поднимаясь. Нащупал тапочки, неторопливо и даже с опаской, подошел к окну.

На улице через дорогу горел фонарь. Под фонарем кто-то стоял. Невысокого роста, подросток – пухлый и со странной вытянутой головой. С пятого этажа особо не различить подробности. Может, наркоман какой? В их районе кто только не водился в последнее время.

– Лёву позовите! – крикнул подросток, едва Иван Борисыч выглянул.

Захотелось тут же отпрыгнуть обратно вглубь квартиры, а еще лучше – закрыть окна, шторы, спрятаться… Что за глупости?..

– Нет здесь никакого Лёвы, – крикнул Иван Борисыч, злясь на себя за минутный испуг.

– Как же нет? А разве тот жирный, который поезд пассажирный, больше здесь не живет? – подросток рассмеялся, – Позовите его погулять, пожалуйста. Мы ненадолго!

– Вали отсюда, – пробормотал Иван Борисыч. Он вдруг вспомнил о каком Лёве идет речь.

Увидел, что в свете фонаря мелькают белые хлопья, будто с неба сыплет снег. В конце июля на побережье Чёрного моря.

Парень сделал несколько шагов, выходя из тени. Земля вокруг него – и это тоже было хорошо видно с пятого этажа – покрылась густым серебристым инеем.

Парень было одет в пухлую зимнюю куртку.

И ещё эта его странная шляпа…

– Раз не зовете, я сам зайду, хорошо? – спросил парень весело и громко. – Мне просто Лёва нужен. Ничего личного!

Иван Борисыч отшатнулся от окна, задернул шторы и стал пятиться до тех пор, пока не уперся в кресло. В квартире неуловимо быстро холодало. Ламинат на полу с лёгким треском покрывался льдом.

В дверь постучали.

– У нас гвозди есть! – сказали из-за двери. – Откройте же, ну.

Часть первая

Глава первая

1.

Таксисты набросились на Лёву Выхина, как голодные собаки. Он всегда о них так думал: одинаково наглые, лохматые, агрессивные и неразборчивые. Ну откуда, скажите, у него могут быть деньги на такси? Посмотрите на эти линялые джинсы, потрёпанные туфли с облупившимся на носках дерматином, на старый армейский вещмешок, давно не чёсанные волосы и грубую щетину, которая несколько дней не видела бритвы. Решительно, нет.

– Меня ждут! – торопливо бормотал Выхин, хотя его, конечно же, никто не ждал. Сработало чувство какой-то провинциальной неловкости. – Дайте пройти, ну же.

Он проскользнул между стеклянных дверей вокзала и тут же вляпался в удушливую августовскую жару. Тяжелый воздух будто заталкивал его обратно, под кондиционеры, пусть и к таксистам, но зато в прохладу. Выхин разом вспомнил, как уезжал из этого крохотного южного городка в двухтысячном году – тоже в августе, на изломе лета – забрался с мамой в вонючий районный автобус и укатил сначала в Адлер, а оттуда самолётом в Москву. Тогда тоже было нестерпимо жарко, ломило в висках и сохло во рту. Ещё он надеялся никогда больше не возвращаться, но, как это часто бывает, обманывал сам себя.

Справа за забором растянулись змейками старые вагонные составы, а сразу за ними вспучились изумрудные волны холмов. Они тянулись до горизонта, где-то далеко сливаясь с голубым, до прозрачности, небом. Выхин невольно залюбовался. Природа на юге ему нравилась, было в ней что-то свободное, широкое, как человеческая душа. Не чета московским паркам и скверикам. Под этим небом, в этой зелени хотелось не просто существовать, а именно жить, как положено. Жаль, что не получилось.

Он зашагал по ребристой плитке, вытирая потевшее лицо тыльной стороной ладони. По памяти, почти не поднимая головы, дошёл до автобусной остановки. На металлической лавочке сидели две старушки.

– Сколько сейчас до центра? – спросил у них Выхин.

Яркое солнце слепило, хотелось зажмуриться и вовсе не открывать глаз.

– Сорок рублей. Это до Королёва. Если до Пионерской, то сорок пять. Водителю заранее говорить надо, – сказала одна из старушек, разглядывая Выхина из-под очков. – Пешком за тридцать минут дойдёшь.

Он поблагодарил и действительно пошёл пешком. Сначала стесняясь, запустив руки глубоко в карманы (вдруг кто заподозрит, что у него нет денег), затем решительнее. Впрочем, жара не давала идти быстро и долго. Силы скоро кончились. Выхин пропотел насквозь и стащил через голову футболку.

Городок незаметно вырос вокруг, появились жилые дома, вихляющие улочки, магазины, торговые центры и палатки. Автомобилей стало больше, как и людей. Прибавилось шума. Где-то играла музыка, а фонтан на площади у местного дома культуры обступила толпа. Визжали радостные дети, пахло шашлыком и шаурмой, ещё сигаретным дымом и почему-то окрошкой.

Выхин тоже подошёл к фонтану, умылся, сбрасывая на несколько минут въедливый жар. На дне фонтана сверкали монетки. Люди приезжали в город со странным названием Псыуфше, чтобы искупаться в Чёрном море, покататься на аттракционах, съездить в лес. Людям тут нравилось. Ещё не душный застроенный Сочи, но уже не какая-нибудь мелкая станица, которых полно вдоль побережья. Поэтому монетки кидали все, кому не лень, чтобы вернуться. Выхин отстранённо подумал, что можно наловить рублей двести, на ужин, если что. Хотел залезть прямо сейчас, но вовремя себя одернул.

Городку недавно стукнуло двести лет, он прятался в котловане, окружённый холмами, и только на западе выползал к морю. Из-за низины тут было прохладнее, чем в Сочи, но температура летом всё равно редко опускалась ниже тридцати пяти. Сейчас жарило за сорок. Отвыкший Выхин страдал.

Он обогнул площадь, свернул по знакомому тротуару к пятиэтажным домам-«хрущевкам», которые образовывали здесь небольшие самобытные районы. Отметил про себя, что здесь-то как раз почти ничего вокруг не изменилось за девятнадцать лет. Разве что деревьев стало меньше, появились какие-то малоэтажные новостройки, огороженные заборчиками, магазины и кафе; детский сад вон построили на том месте, где в конце девяностых было самодельное футбольное поле. И, конечно, как и везде, сильно прибавилось автомобилей. Они наползали на газоны, тротуары и детские площадки, забили дороги и пространства возле подъездов.

Ноги сами несли Выхина по правильному маршруту, он почти не задумывался, куда идёт, а только смотрел по сторонам и сравнивал прошлое с настоящим, будто накладывал друг на друга две фотографии. Прошлое ожидаемо было чёрно-белого цвета с этакой мелкой рябью и заплывшими уголками, а настоящее походило на глянцевую рекламу из телевизора: отовсюду лилась музыка, светились вывески, подмигивали фарами автомобили и сверкали телефонами прохожие.

Щербатый плиточный тротуар, из которого местами торчали пучки травы, неожиданно закончился, Выхин обогнул кирпичную котельную и оказался перед знакомым подъездом.

Вот тут уже воспоминания накинулись без стеснения. Где-то на уровне запахов, движения теней, преломления света Выхин почувствовал лёгкий дискомфорт, огляделся. Показалось, что рядом звонко засмеялись подростки, звякнули бутылки, что-то хрустнуло – будто резко сломали старую гнилую доску о колено. Густые кусты шиповника за оградкой под окнами первого этажа зашевелились. Оттуда вышел жирный чёрный кот и, облизываясь, вперился в Выхина взглядом.

– Чего тебе? – спросил Выхин, нервно теребя футболку пальцами. – Пошёл прочь, кыш.

Кот не реагировал. Он наблюдал за тем, как Выхин поднялся на крыльцо, и только после этого запрыгнул на скамейку и растянулся на ней, облизывая блестящий бок.

Выхин же дёрнул на себя входную дверь и сообразил, что та заперта. Ясно же, в двадцать первом веке больше не бывает дверей без замков. Это в двухтысячном можно было спокойно зайти в любой подъезд, посидеть на батарее у лестницы, покурить и выжечь кнопки лифта спичками. Времена изменились.

Снова показалось, что за спиной хихикнули в унисон сразу несколько мальчишеских голосов. Выхин рефлекторно сжал кулаки, но не повернулся. Как-то стайка пацанов во главе с Дюхой Капустиным подкараулили его прямо здесь, на крыльце, и швырнули в спину два шарика, наполненные синей краской.

«Жирный пончик, дай талончик!»

После того случая его ещё пару недель называли во дворе пирожком с повидлом. Но это была не самая обидная кличка.

Домофон неожиданно запиликал, дверь открылась и на улицу из подъезда вышла полная женщина в белом сарафане и с раскрасневшимися щеками. Она волокла за руку девочку

лет четырёх. Выхин торопливо попробовал протиснуться в образовавшийся проём. Женщина преградила путь.

– Мужчина, вы куда? – спросила она, оглядывая Выхина с ног до головы. Запоминала на всякий случай. Ещё бы, при его нынешней внешности любой бы осторожничал.

– К Коропову, Иван Борисычу, из сорок девятой, – буркнул Выхин.

Девочка тоже внимательно его разглядывала, при этом указательным пальцем старательно ковыряясь в носу.

– Коропов Иван Борисыч умер, – сказала женщина. – Две недели назад. Вы как-то припозднились.

– Умер? – растерялся Выхин. – Погодите… Я ему писал не так давно. Предупреждал, что приеду.

– Не дождался, бывает. – Женщина звонко хлопнула девочку по руке, не сводя с Выхина глаз. – Мы не знакомы случайно? Не могу вспомнить.

– Я здесь жил много лет назад. Недолго. Иван Борисыч мой отчим.

– А Оля, что ли, ваша мать? – женщина сухо улыбнулась. – Вы Лёва, я поняла. Ну, извините, что принесла дурные вести. Боюсь, никто вас тут встречать не будет.

Она, наверное, хотела добавить что-нибудь про блудного сына. Выхин нутром чувствовал. Но женщина промолчала и стала спускаться по ступенькам.

Выхин дождался пока женщина удалиться по тротуару в сторону сквера, и после этого нырнул в прохладу подъезда. Там, у рядков почтовых ящиков, он прислонился к стене и закрыл глаза.

Мелкие мысли суетились, как встревоженная мошкара в знойном воздухе.

Умер, значит.

Мама тоже умерла, но шесть лет назад. Выхин узнал об этом из телеграммы, которую прислал отчим. Телеграмма дошла чудом, поскольку Выхин часто менял места жительства, носился по стране с одной съемной квартиры на другую, как беглец, спасающийся от кошмаров. Телефона он не имел, в силу совершенно безобразной привычки, а потому отставал от современного темпа жизни всё больше и больше. Прочитав тогда о смерти матери, Выхин хотел тут же купить билеты на поезд, приехать, помочь с похоронами, но в последний момент сорвался в крутое пике очередного переезда и обо всём забыл.

Много позже проявилось чувство вины, но Выхин отмахивался от него раз за разом, до того момента, пока действительно не случилась нужда приехать.

Он поднялся неторопливо на пятый, верхний этаж, потоптался у сорок девятой квартиры. Дверь была оббита старым дешёвым дерматином, который местами потрескался, а местами выцвел. Гвоздики, когда-то блестевшие позолоченными шляпками, теперь потускнели и большей частью заржавели.

Подчиняясь внутреннему порыву, Выхин вдавил кнопку звонка, послушал длинную глухую трель внутри квартиры. Показалось, что раздался шорох тапочек, кто-то подошёл с обратной стороны. Вроде бы мигнула тень в дверном глазке. Но на самом деле, конечно же, никого там не было. Выхин потоптался с полминуты на драном резиновом коврике, спустился обратно к почтовым ящикам, но не вышел, а остановился у двадцать седьмой квартиры.

В жизни всегда нужен последний шанс. Вернее, очень хочется верить, что такой шанс существует. Иначе зачем вообще жить?

Он нажал на звонок, затем тут же робко постучал согнутым пальцем. Несколько секунд прислушивался. По всему выходило, что ночевать ему придётся в сквере неподалёку, потому что последние деньги ушли на поезд, а монеток в фонтане – даже если он наберётся храбрости и полезет за ними – едва ли хватит даже на самую дешёвую комнату в каком-нибудь домике у побережья.

– Вам кого? – неожиданно спросили из-за двери.

Голос был девчачий, молодой. Выхин вспомнил Аллу, которая жила здесь, в двадцать седьмой, с родителями девятнадцать лет назад. Алла была худенькая, остроносая, скуластая. Никак не могло быть, чтобы Алла осталась в том же возрасте и стояла сейчас за дверью. Правда же?

Он тряхнул головой, собираясь с мыслями. Это всё проклятая южная жара. От неё сознание плавилось, как сыр на сковородке. Нужно скорее к морю, нырнуть несколько раз, остудиться. Иначе совсем ум за разум зайдёт.

– Я из сорок девятой, – сказал Выхин, переминаясь с ноги на ногу. – Жил тут раньше. Отчим… то есть Иван Борисыч, обычно оставлял вам запасные ключи. В случае чего. Вот я и подумал, вдруг у вас тоже сейчас…

Как же глупо всё это звучало. Глупо и неправдоподобно. Выхин даже поймал себя на мысли, что говорит заискивающе, как алкоголик на улице, выпрашивающий десять рублей на выпивку. Впрочем, он недалеко от алкоголика оказался. Почти в одной канаве.

– Вы что ли Лев? – спросил девчачий голос из-за двери. – Мне Иван Борисович о вас рассказывал. Ждал.

Дверь приоткрылась, и в щели, под натянутой цепочкой, показалась молодая остроносая мордашка. Светлые волнистые волосы закрывали влажный лоб и уши, облепили щеки и левый глаз. Вокруг носа рассыпались веснушки, губы потрескались. Точно, Алла. Такая, какой Выхин её видел в последний раз. Будто время остановилось, а он один продолжал жить и стареть. Будто на дворе двухтысячный. Тот самый год, когда Андрей Капустин с друзьями гонялись за Выхиным по лесу, чтобы избить хоккейными клюшками.

– Ничего себе, какой огромный, – сказала девушка, глядя на него снизу вверх, и наваждение рассыпалось. – Потрепала вас жизнь.

Голос был другой. И выглядела иначе. Неуловимо, в едва заметных мелочах, но отличалась от той Аллы, в которую когда-то Выхин влюбился.

– Я только что с поезда, – пробормотал он в ответ. – Вымотался. Жарко у вас тут. А ты кто? Дочка Аллы?

– Ага. Я Ленка.

«Ленка-пенка, драная коленка» – подумал Выхин, а вслух сказал:

– Мне бы ключ от сорок девятой, если он у вас есть. Мама дома?

– Рабочий день вообще-то. Мама только вечером будет, если освободится, – ответила Ленка, с интересом разглядывая Выхина. – Я видела вас на фотографии. Вы почти не изменились. Только, как бы деликатнее сказать… запущенный что ли. Побриться вам надо, помыться и переодеться. А то на бомжа похожи. Мама таких как вы по выходным в парке кормит.

– А ты дерзкая, – заметил Выхин. – Почему не в школе?

– Начало августа, милый человек. Нормальные люди в это время не учатся, а отдыхают. Вам бы тоже посоветовала.

Она хихикнула, и Выхин хихикнул в ответ. Дерзость девочки ему неожиданно понравилась.

– Ключ-то есть?

– А как же.

Дверь закрылась, а через полминуты открылась вновь. Ленка, широко улыбаясь, протянула Выхину связку ключей на толстом кольце.

– Мама занималась похоронами вашего отчима, – сказала Ленка. – Если что, у нас тут часть его вещей лежит. Иван Борисыч хотел, чтобы его одежду раздали нуждающимся. Мама собрала, что могла. Так что не удивляйтесь, если в квартире небольшой погром. Никто не думал, что вы приедете. Вам три или четыре телеграммы отправили по разным адресам.

– Я много переезжал, – ответил Выхин, принимая связку из её руки. – Меня вообще сложно поймать.

– Как будто убегаете, – кивнула Ленка и добавила по-взрослому. – Все мы постоянно от кого-то убегаем.

При этом она продолжала мило улыбаться.

Растерявшийся Выхин кивнул, поблагодарил ещё раз и заторопился на пятый этаж. Поднимаясь по лестнице, подумал о том, что девчонка, наверное, до сих пор смотрит ему в спину. Но оборачиваться и проверять не стал.

2.

Выхин шагнул в серый узкий коридор квартиры, втянув голову в плечи. Сам не заметил, а втянул.

Показалось, что сейчас из кухни выглянет мама. У неё волосы закручены в бигуди, лоб вспотел. Одета в любимый махровый халат синего цвета и ещё в тапочки. Жарко, душно, а она в халате. Готовит что-то, как обычно. Если не убирается, то готовит. На плите у неё постоянно стояли две большие кастрюли, одна алюминиевая, а вторая – эмалированная, жёлтая, с пятнами сколов на боку. В эмалированной, вспомнил Выхин, часто варился жирный наваристый борщ на сале. Южное лакомство. Нигде больше он не встречал борщ с плавающими кусками сала, и чтобы картошка не варилась кусочками, а забрасывалась, чищеная, целиком, потом вылавливалась и мялась в пюре, чтобы погрузиться обратно.

Во рту скопилась слюна. Из кухни как будто запахло котлетами, яичницей (тоже на сале), свежим салатом. Выхин протёр лицо и наваждение исчезло.

Первое, что заметил – драные обои в коридоре. Их как будто срывали кусками, обнажая кривые треугольные отметины шероховатого бетона и старых иссохших газет. Потом увидел пустой плафон под потолком, валяющуюся в беспорядке мужскую обувь на том месте, где раньше стояла обувная полка. Увидел деревянную вешалку, на которой болтался зелёный пуховик.

Выхин, не разуваясь, сделал несколько шагов, как будто из прошлого в настоящее. Или наоборот. В ванной комнате чернел кусок влажной стены, где, должно быть, стояла стиральная машина. Пахло сыростью. Из крана редко капало, в раковине появилась тонкая полоска ржавчины.

Стеклянная дверь в кухню была закрыта. Выхин толкнул её – вот сейчас навалится запах жареной картошки и квашенной капусты! – и всё тут оказалось пустое и мёртвое, лишь отдалённо напоминавшее о прошлом. Те же молочные обои с красными бутонами роз. Тот же старый холодильник, один бок которого когда-то давно Выхин украсил наклейками «Терминатора» и переводными картинками. Обеденный стол возле окна укрыт блестящей от старости и жира скатертью. На столе – электрический чайник (новьё), стопки грязной посуды, а рядом – рюмки, стаканы, чашки, вилки, пластиковые тарелки, пустые пакеты из-под сока. Всё навалено в беспорядке, одно на другое. Под столом – много мусорных пакетов, штук пять или шесть. Забиты и завязаны.

Раковина тоже была в грязной посуде до краёв. На столешнице валялся огрызок чёрного хлеба, покрывшегося плесенью. И эта крохотная деталь, этот забытый всеми хлеб, почему-то сразу развеял наваждение.

Пустое и мёртвое, точно. Прошлое ушло безвозвратно, никто и никогда не сможет вернуться.

Мама не приготовит на ужин макароны с тушеным мясом. Отчим не привезёт с рынка рыбу, ещё живую, которая будет плескаться в ванне. Никто не разрежет арбуз, и он не лопнет с хрустом под напором лезвия и не обнажит спелую ярко-красную мякоть. Не будет всего этого, кончилось.

В тишине кухни заурчал холодильник. От мусорных мешков потянуло гнильём. Неприятно. Выхин уронил вещмешок на табуретку, распахнул окна, впуская тяжёлый летний воздух, в котором перемешались ароматы выхлопных газов, цветущих акаций и кипарисов.

Из окна был хорошо виден санаторий «Ласточка». Строительный забор опоясывал многоэтажные корпуса с чёрными глазницами-окнами, с облупившейся штукатуркой и содранной лепниной; разваливающиеся и пустые. Шестиметровый сверкающий пик, венчавший центральный корпус, теперь был надломлен и вгрызался в небо коротким отростком. Когда-то давно на этот пик мечтали забраться местные пацаны. Считалось, что как только ты доберешься до верхушки, где болтался на ветру флаг России, то тут же все девчонки в компании будут твоими. Интересно, забрался хоть кто-нибудь?

Выхин внезапно вспомнил, что в северном крыле «Ласточки» был огромный открытый бассейн. Много лет не вспоминал, а тут… На губах проступил колючий вкус хлорированной воды, показалось, что одежда вдруг промокла насквозь и её нужно стащить как можно быстрее, но вокруг люди, все смотрят, все готовы тыкать пальцами и смеяться, кричать: «Жирный пончик – съел батончик!».

Где-то за спиной захохотали множеством ртов. Он развернулся, но кухня, само собой, была пуста. Воспоминание нехотя отлипло, как отсыревший скотч.

– Проклятая жара, – пробормотал Выхин.

Хотя, кого он обманывает. Дело было не в жаре, а в возвращении в город. Слишком много воспоминаний здесь было похоронено. Они всколыхнулись, как пыль под ногами, и навязчиво полезли в голову.

Выхин прошёл в комнату, раздвинул тяжёлые бархатные шторы – их покупала мама ещё когда жила с настоящим отцом в Мурманске – и отворил окна здесь тоже, впуская шум улицы. Отметил мельком, что в комнате вообще всё вверх дном. Кто-то выдвинул диван на середину, опустошил книжные полки и серванты, задрал ковёр, сложил постельное бельё и одежду стопками вдоль стены. Всюду лежали наполненные мусорные мешки. Будто прошлое человека после смерти – это мусор, от которого нужно как можно скорее избавиться.

Долго смотрел на рассыпанные по полу строительные гвозди – разных размеров, использованные, гнутые, с проржавевшими шляпками.

Потом нашёл пульт от кондиционера, пощёлкал, не разобрался. Кондиционер, висевший в углу у окна, подмигивал красной кнопкой, но не хотел работать. Ладно, позже.

Выхин перешёл во вторую комнату, поменьше. Когда-то тут была его детская. Личное королевство с подданными-солдатиками и крепостью из одеял и стульев в центре. Сейчас, конечно, о детской ничего не напоминало. Похоже, Иван Борисыч с мамой использовали комнату, как спальню. Почти всё место занимал разложенный диван. В углу стоял старый низенький шкаф. На широком подоконнике выстроились горшки с завядшими растениями.

Диван тоже был завален набитыми мусорными мешками. Выхин и здесь первым делом открыл в комнате окна, потом перенёс мешки в коридор.

Он быстро вспотел, но не останавливался, пока не утрамбовал мешками всё пространство перед дверью. В доме не было мусоропровода, придётся тащить к мусорным бакам на углу дома.

Потом сложил диван в бывшей детской, тяжело отодвинул его левый край и заглянул в щель между диваном и стеной. Там было полно густой свалявшейся пыли. Деревянный плинтус потрескался – кривая трещина тянулась от угла и раздваивалась на шляпке ржавого гвоздя. Выхин потянул за этот гвоздь и тот поддался – как раньше – легко выскользнув из отверстия.

Чувствуя, как зарождается в груди что-то давно забытое, азарт от нахлынувшей ностальгии, Выхин подцепил пальцами край паркетной доски, отодвинул её и внезапным привычным движением из прошлого, приподнял так, чтобы открылось небольшое углубление между бетонной плитой пола и стены.

Пиратский клад пятнадцатилетнего шкета. Спрятан, чтобы никто не нашел.

И ведь не нашли.

Как же Выхин переживал, что не смог добраться до него, когда уезжал! Обстоятельства сложились таким образом, что даже заглянуть в детскую не получилось. И как же радовался сейчас, разглядывая торчащий из углубления край целлофанового пакета. Аккуратно подхватил его и выудил. Пакет был мятый-перемятый, замотанный синей изолентой, для надёжности. От него пахло пылью и влажной грязью. Не сходя с места, Выхин зубами отодрал край изоленты, размотал, вывалил содержимое на диван и вперился взглядом в рассыпавшиеся сокровища.

Прежде всего это были деньги. Семь тысяч бумажками разного достоинства. Славься стабильность, купюры до сих пор были в обороте. Зеленые тысячные девяносто седьмого года, хоть и измятые, но годные. Выхин подавил острое желание побежать сейчас же в магазин и купить поесть. Позже, позже.

Ещё: набор вкладышей, коллекция из далёких девяностых, которую он собрал в Мурманске, а потом возил с собой, как талисман. Вкладыши хорошо сохранились, но сейчас, увы, вряд ли бы кого-нибудь впечатлили. Разве что можно продать в интернете.

Ещё: два самодельных значка. Для себя и для самой красивой девочки во дворе. Никто эти значки никогда так и не нацепил.

Наконец Выхин взял в руки старую тетрадку с зелёной обложкой, сложенную вдвое. Открывать не хотелось, но он всё же открыл и на первой же странице увидел рисунок гелевой ручкой. Вспомнил.

Портрет был дурацкий, с нарушением всех возможных пропорций, но в тоже время хорошо узнаваемый и страшный.

«Андрей-бармалей, сделал шляпу из гвоздей»

Весной двухтысячного он нарисовал Дюху Капустина, выливая злость на страницу тетради. Нафантазировал всякого, изобразил главного недруга в шляпе из гвоздей, которые были вколочены прямо в голову. Выхин вспомнил, с каким удовольствием прорисовывал каждый гвоздик, входящий в череп ненавистного Капустина. Будто вбивал по-настоящему.

Бац-бац молоточком.

Он взялся за край страницы, чтобы перевернуть. Тетрадь была изрисована полностью. Той зимой у Выхина было полно времени на рисование, особенно когда он прятался в отсыревшей лесной пещере, полной камней и призрачных лиц.

Капля пота соскользнула с кончика носа и упала на рисунок, смазав левый глаз Капустина, превратив его в тёмно-синюю кляксу.

– Чтоб тебя…

Он вернётся к тетради позже. А сейчас – уборка.

3.

Выхин убирался несколько часов.

Выбрасывал мусор, выгребал грязь, расставлял по местам мебель, мыл посуду, пылесосил – делал ещё сотню мелких, но обязательных дел, которые все вместе возвращали в квартиру жизнь. А жизнь тут была необходима, это точно.

За окном уже начало темнеть, когда он, вымотанный до предела, понял, что на сегодня хватит. Появилось скоротечное ощущение покоя. Каждый раз, обживаясь в новой квартире, Выхин надеялся, что это навсегда, но обманывал сам себя.

Он сходил в магазин. На месте небольшого фруктового киоска поставили сетевой супермаркет.

Желудок постанывал от предвкушения. Последний раз Выхин ел сутки назад, на вокзале. Купленная тогда шаурма была холодной и склизкой, но он всё равно заталкивал её в рот,

потому что привык, что еду нельзя оставлять на потом. Сейчас же можно было купить пельменей, макарон, сливочного масла и хлеба. Можно было позволить себе даже молоко. И ещё мороженного и двухлитровую бутылку кваса – лучшего напитка жарким летом.

На улице стало прохладнее и свежее. Минувшее тяжелое утро возвращало Выхину долги. Он уже размышлял о том, как после ужина отправится на городской пляж, освежиться. А завтра, пока не ушло настроение, сходит на кладбище, положит цветы на могилы маме и Иван Борисычу. Обязательно нужно сохранить в глубине души чувство светлой ностальгии. Родные люди всё же.

У подъезда на лавочке сидела молодежь. Всем лет по пятнадцать, не больше. Из портативной колонки что-то громыхало и рычало. Молодёжь, приметив подходящего Выхина, принялась с любопытством его разглядывать. Все загорелые, рослые. Выхин ярко выделялся на их фоне белизной кожи. Он снова втянул голову в плечи. Сейчас кто-то из них откроет рот и…

«Жирный, жирный, поезд пассажирный»

В лицо полетит презерватив, наполненный краской или хоккейная шайба. Дюха Капустин, главный, чтоб его, заводила, вежливо поинтересуется, почувствует ли Выхин боль, если о складки его жира натурально затушить сигарету? А Выхин огрызнётся, полезет на рожон, завяжется драка, ну, как драка, избиение, потому что Дюха в здравом уме не полезет на Выхина один. Подбегут его верные друзья (как всегда), с палками и камнями, а дальше… дальше понятно что, можно и не вспоминать.

Вот только Капустин пропал в лесу девятнадцать лет назад. Нет больше тощего курносого заводилы.

– Вы баскетболист что ли? – спросил паренёк с блестящими от геля, лихо зализанными гребнем вбок волосами.

– А?

– Большой такой. Из баскетбола?

В их любопытстве не было агрессии. Просто во дворе внезапно появился кто-то выбивающийся из общей обстановки. Огромный – и ростом и весом – мужик с щетиной, одетый в непонятное, как будто дровосек, выбравшийся из глубин местного леса.

– Ага, баскетбол, – сказал Выхин. – Этот, третий разряд. В «Химках» играл.

Кто-то из подростков удивлённо присвистнул. Выхин открыл дверь, протиснулся внутрь подъезда и заспешил наверх. Всё ждал в спину шутку про вес и рост. Что-нибудь едкое, злое.

Сами начали, подумал он, мысленно защищаясь неведомо от чего.

У дверей квартиры стояла женщина и давила на звонок. Выхин остановился, хрустнув пакетами. Женщина обернулась, и он её сначала не узнал, а потом узнал, а потом не поверил, что узнал.

– Элка?

Никто в двухтысячном не называл её нормальным именем – Алла. Потому что это имя нельзя было склонить, сделать «подростковым». Поэтому прилипло сленговое «Элка». И ещё дразнилка была про нахалку. Что-то такое, да.

Одногодки, то есть сейчас, выходит, как и ему - тридцать четыре. Выглядела почему-то старше, хотя Выхин не был уверен, что умеет правильно определять возраст по внешности. Изменилась – это без сомнений. Куда-то пропали густые каштановые кудри, теперь появилась кроткая тёмная стрижка, делающая лицо овальным. Вокруг губ морщины, под глазами – тёмно-желтые мешки (как у него самого, впрочем). Располнела в ногах, стала шире, плечистее, коренастее, будто всю жизнь тренировалась крепко стоять на земле. А ведь тогда, в пятнадцать, выглядела легче пёрышка, талию можно было обхватить ладонью…

– Ты постарел, Выхин, – сказала она, улыбнувшись.

Улыбка осталась прежней.

– А ты всё такая же… – он хотел сказать «красивая», но запнулся.

Алла смущённо махнула рукой.

– Давай, открывай, путешественник. Впусти даму в дом.

Он впустил. Вдвоём потоптались в узком коридоре. Из одного пакета, неловко поставленного на обувницу, вывалилась банка консервированного горошка. Алла хихикнула басисто – и слышать это было странно – после чего прошла на кухню.

Выхин последовал за ней, внимательно разглядывая, как кот разглядывает нового человека в доме. Он не мог никак сопоставить образ из своих воспоминаний и женщину, усевшуюся на табурет у окна. Разве могли они иметь что-то общее? Элка из двухтысячного никогда бы не оделась в такое – джинсы на широком заду, клетчатая рубашка, армейские ботинки. Утончённая, милая Элка носила сарафаны и платьица, а иногда чёрненькую такую узкую юбку-лодочку и блузку, вызывая гнев старшего брата и обожание всех мелких пацанов во дворе.

– Ну чего уставился? – добродушно спросила она. – Я тоже, может быть, не верю, что это ты. Щетина на пол лица, нечёсаный. Правда, как был богатырём, так и остался. Ну и глаза, конечно. Классные у тебя, Лёва, глаза, их не изменишь.

В её голосе, показалось Выхину, была типичная женская теплота. Мамина. Так родители встречают уставшего ребёнка, вернувшегося с экзаменов. Сразу захотелось что-нибудь рассказать, про жизнь, про то, где шлялся всё это время, про проблемы и невзгоды. Всё-всё.

– Я тебе шесть телеграмм по разным адресам отправляла, – продолжила Алла. – Переезжать любишь.

– Не сидится, – сказал он, – на месте.

Алла продолжила, хотя Выхин не просил, разглядывая что-то в окне:

– Пришлось взять похороны на себя. Мы с Иваном Борисовичем дружили, он мне по работе помогал, ну и всякое разное по мелочи, знаешь. Гроб, значит, заказала. Место на кладбище. Крест, деревянный, одна штука. Поминки. Друзей у него немного было, но собрались. Человек десять. Что ещё? Прибралась, как видишь. Грязно было. Что-то не успела, ну, думала, никто не приедет. У Вани никого не осталось из родственников, кроме тебя. Что еще? Завещание у нотариуса. Тебе надо в наследство вступить в течение полугода. Ты же, это, официально усыновлён. Адресок дам, смотайся, оформи. – Она загибала пухлые пальцы, кое-где на фалангах зажатые невзрачными серебряными кольцами. Обручального не было. – Что ещё, дорогой? Ах, да. Угостишь даму чаем?

– Конечно, конечно.

Он нелепо засуетился, включил чайник, достал из пакета пачку печенья, раскрыл.

– Я только со смены, – сказала Алла, развалившись на табурете. – Ну расскажи, где шлялся всё это время? Зачем приехал?

– На похороны приехал, – соврал он. – Из Тобольска.

– В Тобольск телеграммы не было.

– Добрые люди сообщили.

– Через две недели после похорон?

Они несколько секунд разглядывали друг друга, и Выхину всё отчётливее не нравилась новая Алла, повзрослевшая болтливая баба в армейских штанах. Он захотел быстрее выставить её за дверь и больше никогда не встречаться. Зашипел чайник, выплёвывая из изогнутого носика капли кипятка.

– Не ври мне, Выхин, – сказала Алла негромко. – Не знал ты ничего о похоронах. Приехал за помощью, да? Не к кому больше ехать, вот и вернулся к нам. Ни денег, ни работы, ни жилья. Только отчим остался.

– Вот ведь как получилось, – развел руками Выхин, не подтверждая, но и не отрицая.

– Что у тебя такого страшного случилось в жизни, раз ты бегаешь по городам туда-сюда?

– Может быть, мне комфортно именно так. Когда не привязан к какому-нибудь одному месту. Могу уехать в любой момент, куда глаза глядят. Дух путешественника во мне. От мамы.

– Но ты все же здесь.

Выхин решил сменить тему.

– Говоришь, Иван Борисыч на меня завещание составил? – спросил он.

– Всё движимое и недвижимое, – кивнула Алла, надламывая кусочек печенья. – До последнего верил, что приедешь. Очень хотел увидеть, но не успел, как видишь.

– Как он умер?

– Приступ. Проблемы с сердцем, несколько лет лечился, придерживался режима. Пил много. Ну а кто сейчас не пьёт? А нельзя. И волноваться нельзя. Короче, я к нему заходила обычно два-три раза в неделю, продукты приносила, что-нибудь ещё по мелочи. И вот как-то зашла, а он на кухне лежит, вот тут, у стола, лицом в кафель. Уже поздно было что-то делать. Врачи сказали, у него ночью случился приступ, то есть почти полсуток человек мёртвый пролежал.

Чайник зашипел с надрывом и выключился. Выхин стал разливать кипяток по чашкам.

– Тебя не было почти девятнадцать лет, – вдруг сказала Алла. – Лето двухтысячного, как сейчас помню. Исчез, будто и не бывало.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы выудить из памяти воспоминание. Слишком глубоко оно было закопано. Коротко кивнул. Поставил чашку перед Аллой, сам сел напротив. Скатерть на столе была липкая, покрытая мутными высохшими разводами от тряпки.

Алла задумчиво провела взглядом по кухне. Пробормотала:

– Слушай, такое ощущение, что время обратно вернулось, да? Мы тут с тобой, на этой кухне уже сидели много лет назад и тоже пили чай. Ты угощал меня пряниками, помнишь?

Он не помнил.

– Я заглянула спросить, как у тебя дела. После санатория. А ты пригласил зайти. – продолжала Алла. – Я струсила, как не знаю кто. В квартире была твоя мама, она ещё быстренько убежала из кухни в комнату и дверь за собой прикрыла. Ещё бы, сын привёл в квартиру подругу… – Алла шумно, по-мужски, отхлебнула чай, прихватила печенье. – Классное ощущение, да? На минутку можно представить, что мы подростки. Такая светлая ностальгия.

Он снова кивнул, хотя его ощущения были другими. Случается, встречаешь человека, с которым давно не виделись, а поговорить не о чем. Нет в их жизнях больше пересечений или каких-то общих новостей. Только внутренняя перегородка, отделяющая прошлую жизнь от настоящей. Вот с Аллой выходило тоже самое. Она стала слишком другая. Да и времени прошло немеряно, чтобы вот так запросто вернуться в точку их совместного общения и болтать как ни в чём не бывало.

Совершенно разные люди, так?

– Надолго к нам? – спросила Алла, в три глотка допивая чай.

– Ещё не думал. Может, на неделю. Или вроде того.

– Ты не торопись. Тебе отдохнуть нужно, я вижу. Я таких, как ты, месяцами выхаживаю, в порядок привожу.

– Таких, как я?

– Ну да. Сразу же видно. Щетина, грязный, затасканный, с потухшим взглядом. Скулы торчат, нос блестит, руки трясутся, как у алкоголика. Ты ведь не алкоголик? Мы на работе таких называем «перегоревшими». Ну или «опустившимися», хотя звучит как оскорбление. Проблемы у тебя, Лёва. Поверь профессионалу. Я больше десяти лет по разным волонтёрским организациям шатаюсь, бомжей, наркоманов с того света вытаскиваю. А ты как раз выглядишь, как один из кандидатов на тот свет.

Выхин попытался усмехнуться, но вышло не очень. Губы растянулись, как резиновые.

– Я побреюсь, – пообещал он. – И волосы вымою. Говорю же, долго ехал. Суетно всё, не до того было.

– Не ври мне, Выхин. У меня глаз намётан. Послушай совет бывалой дамы, не беги никуда до поры до времени. Поживи тут, успокойся, жизнь устрой. Знаю я таких бегунов, путешественников в душе. Сгорают к сорока годам. Тебе оно надо?

Если бы он знал ответ на этот вопрос, то не оказался бы здесь.

– Мне комфортно, – повторил он. Действительно в это верил.

Алла неожиданно поднялась, подошла, нависнув над Выхиным своим безобразно большим и рыхлым телом. От Аллы пахло духотой, пылью, застоявшимся от жары воздухом. У Аллы был второй подбородок. И ещё потрескавшиеся губы. Она зажала ладонями ладонь Выхина – руки сухие и холодные – и пробормотала негромко:

– Не уезжай никуда, хорошо? Я не хочу, чтобы ты уезжал. У нас с тобой столько всего осталось в прошлом. Столько интересного. Надо бы вернуть, да? Хочешь, чтобы всё вернулось?

Взгляд её блуждал по лицу Выхина, ощупывал. Второй ладонью Алла провела по его щетине, дотронулась пальцами до губ.

Выхин подумал, что сейчас она его поцелует. Это было немыслимо и странно. Он встал из-за стола. Неумело приобнял Аллу за плечи, заглянул ей в глаза, сказал:

– Мы оба устали, давай-ка пообщаемся позже.

– Я не высыпаюсь, – внезапно пожаловалась Алла. – Гуляю в лесу ночами, ищу брата. Зову его, а он откликается. Говорит, что я же его нашла, глупенькая. А я не верю и продолжаю искать.

Выхин вздрогнул.

– Ты нашла Андрея? – переспросил он.

Взгляд Аллы стал затуманенным, тяжёлым.

– Говорю же, не верю. Продолжаю искать. Все эти годы, все девятнадцать, мать его, лет.

– Тогда тебе следует выспаться.

– Определённо. – Алла отстранилась и часто-часто закивала, будто соглашалась со всеми своими мыслями, что крутились внутри черепа. – Да, Лёва, мне пора. Извини, если вот так, наскоком. Воспоминания, понимаешь? Всё оттуда. Не люблю их. Страшные.

Действительно, страшные.

Она заторопилась, выскочила в коридор, распахнула дверь. Уже на пороге развернулась – незнакомая, чужая женщина – и взмахнула рукой, прощаясь. Выхин взмахнул в ответ. Дверь закрылась, в квартире стало тихо, будто никого и никогда здесь не было.

Глава вторая

1.

Выхин проснулся ночью от неприятного ощущения.

Кто-то ходил по квартире. Чужой, незнакомый и незваный – или же наоборот старый гость, от которого никак не избавиться.

Его легко можно было вычислить по шелесту занавесок, скрипу половиц и дверных петель, по далёким звукам сигнализаций и подмигиванию света фонарей с улицы. Кто-то осматривал кухню, ванную, туалет, комнату родителей, кто-то осторожно заглянул в бывшую детскую и прошептал, целясь в подсознание ещё не до конца проснувшегося Выхина:

– Жирный пончик, дай талончик.

Возможно, это был сон, продолжение затянувшегося кошмара.

– А Лёва выйдет? – тонкий пацанский голосок раздался у самого уха. Говорили с надрывом, издеваясь. – Мячик захватит? Мне мячик нужен, футбольный, кожаный. Помнишь, все говорили, что он потерялся?

Выхин вздрогнул и плотнее закутался в спальный мешок. Развешенные над головой пододеяльники пропускали холодный ночной свет, и на его фоне медленно размазалась человеческая тень.

– Хватит бегать, – сказала тень. И тут же добавила другим, маминым голосом. – Понастроил непонятно чего. Стулья тебе зачем? Пододеяльники кто убирать будет? Разбирай немедленно.

– Это моя крепость. В неё никто не может сунуться. Никто плохой. – Шепнул Выхин и осёкся, закрыл рот ладонями.

Тень отреагировала на его шёпот, мотнула большой головой. Вдоль натянутой на спинку стула простыни поползли тонкие пальцы, дотронулись до ткани, провели по ней, будто проверяли на прочность.

– Хитрый, – сказала тень негромко, и Выхин узнал этот голос.

Где-то неровным хором заскрипели старые окна. По полу потянуло холодом, совершенно неуместным в августе. Холод коснулся щёк Выхина, его губ, забрался внутрь спального мешка.

– Выходи оттуда, – сказала тень снова маминым голосом, но уже без особой надежды. Длинные расплывчатые пальцы продолжали гладить ткань. – Скоро ужин, а ты до сих пор не разобрал эти свои поделки. Значок валяется какой-то. Влюбился что ли?

Выхин не ответил.

Тень вздохнула – так вздыхала мама, желая показать, что ей очень не хочется наказывать Выхина за какой-нибудь проступок. От этого вздоха ему всегда становилось стыдно и хотелось что-нибудь исправить. Маме и так сложно в жизни, а тут ещё он со своими проказами…

– Лёва, выходи. Пора гулять, как договаривались.

На этот раз Элкин голос. Выхин мгновенно вспомнил, как она вот так звала его с улицы, крича на весь двор. Чтобы все поняли, что гулять с Выхиным не зазорно.

Но той Элки больше нет. Вместо неё взрослая странноватая женщина в армейских брюках.

– Вали отсюда, – пробормотал Выхин. – А не то…

– Что? Зуб мне выбьешь, как тогда? – снова знакомый голос. Дюша Капустин собственной персоной.

В ночной темноте легко можно было вспомнить его лицо, с размазанной по щекам кровью и разбитой, стремительно распухающей губой.

– Выйду, и выбью, – буркнул Выхин. – Мне не сложно повторить.

В голове бегали разные мысли. Сон сливался с явью, а настоящее с прошлым. От холода по телу побежали крупные мурашки. Натянутые простыни шевельнулись, потом пошли волнами, и в самодельную крепость ворвались запахи зимнего леса. Где-то закапала вода, хрустнула наледь, зашумела горная река. Та самая.

– Выходи, выходи, – голос Дюши Капустина. – Разберёмся на месте. Или слабо?

Его подначивали, глупо и примитивно. Выхин закрыл глаза и позволил сознанию восстановить в памяти тот самый лес, поляну, где из-под тающего снега выползали на поверхность рыхлые рыжие холмики травы и валялись камни, изрисованные ледяными линиями.

Всего лишь сон. Наваждение. Незваный гость остался в кошмарах.

Тень сопела, выжидая. В крепость ей не проникнуть.

– Убирайся, я всё равно не выйду, – пробормотал Выхин, не открывая глаз.

Он стоял на изломе поляны и смотрел, как люди-уродцы загоняют жирного пацана на лед, на скользкий край, позади которого - черная февральская река. Все смеются, улюлюкают, радуются. Только одна девочка не смеется, это Элка. Она серьёзная и сосредоточенная, а в руке у неё нож.

– Убирайтесь, – повторил Выхин тени и сну.

И вдруг стало тихо.

Ощущение чьего-то присутствия прошло. Выхин открыл глаза и увидел над головой натянутые простыни и желтоватый свет, проникающий сквозь них. Никого в квартире больше не было.

В самодельную крепость начала медленно просачиваться южная духота.

– Хрен вам, а не мяч, – сказал Выхин в пустоту. – Я не просто так столько лет убегал, чтобы попасться.

А про себя подумал: убегал, но не убежал. Вернулся туда, откуда всё и началось. Значит, пришло время собирать камни.

2.

Сон его всё же одолел. В этом сне Выхин снова впервые оказался в Псыуфше.

Ему было четырнадцать с половиной, он соскочил со ступенек вагона на перрон и сразу же ощутил запах вокзала. Накинулись масляные и бензиновые привкусы, аромат жаренной курицы и горячего кофе, сигаретного дыма и помойки. Водители такси, опять же, как голодные собаки оценивали высоченного пацана - напасть или подождать?

К нему подошёл неизвестный мужчина, протянул руку для рукопожатия:

– Привет, богатырь, где мамку-то потерял?

Это был Иван Борисыч, дядя Ваня, статный, широкоплечий, красивый. Он вытряхнул из недр вагона клетчатые сумки с вещами, два кожаных чемодана и потрёпанный торшер, следом выудил, будто на крючок, маму и успел поцеловать её усами, прежде чем поставил на перрон.

– Ну вот, доехали! Справились!

Выхин озирался. Никогда раньше он не выезжал за пределы своего родного городка под Мурманском. Там сейчас была зима, минус двадцать, а здесь – плюс шесть, голубое небо, огромное солнце, сверкающая наледь на окнах вокзала и капающие сосульки на козырьках крыш. За вагонами нестройно выстроились деревья, похожие на оловянных солдатиков. И ещё вдалеке – утопали в зелени холмов треножные столбы электропередач.

Выхину сразу же сделалось жарко, он избавился от куртки, оставшись в водолазке. Мама взяла его за руку. Дядя Ваня удивительным образом собрал весь багаж чуть ли не в охапку и поволок его.

– Добро пожаловать в Псыуфше, – на ходу говорил дядя Вяня. – Это по-адыгейски примерно означает «Холодный берег». Знаете, почему? У нас тут две большие и очень холодные реки. Одна пересекает город на севере, а вторая на западе. Они даже летом холодные, я вас свожу обязательно. На улице плюс сорок, а в воде – плюс пять! Околеть можно в момент. Там, где обе реки уходят в горы, можно в августе наткнуться на лёд вдоль берега... А название адыгейское, потому что тут раньше все земли принадлежали адыгейцам. Лес их, море их тоже, горы эти, холмы. Тут много адыгейских названий, всего такого. Сначала уху непривычно, а потом нормально. Такой красоты никогда, наверное, не видели. Какие тут водопады! Какие пещеры! А дольмены? Знаете, что такое дольмены?..

Дядя Ваня ещё много о чём говорил, Выхин уже не помнил. Он так устал трястись в поезде, что хотел растянуться где-нибудь и нормально выспаться. Хоть на холодном берегу реки, хоть в адыгейских горах.

Со слов мамы выходило, что это никакой не город, а так, небольшое курортное поселение около моря. Спокойное и тихое, а главное – тёплое. Выхин думал о том, что увидит скопище одноэтажных домиков за заборами, сельские дороги, гусей и коров на обочинах. Однако же, дядя Ваня погрузил их в старенькие «Жигули» седьмой модели и вывез к многоэтажным домам вполне приличного вида.

– Микрорайон «Жемчужный», – весело сообщил дядя Ваня, припарковавшись у подъезда панельной пятиэтажки. – Новенький, шесть лет назад построили. Детская площадка, пивная, на первом этаже вон там кафе «Светлана», всё по высшему разряду. Ты, Оленька, не думай, что в глушь какую-то заманил. Иван Борисыч слово держит!

«Оленька» звучало странно из уст незнакомого прежде человека. Так маму никто не называл. Впрочем, Леву Выхина готовили к приезду, объясняли. Мама рассказала, как позна-

комилась с дядей Ваней в санатории два года назад (помнишь, ездили в Сочи по путёвке с работы?), долго переписывалась с ним и решилась переехать на юг, пожить, притереться.

Папа Выхина к тому моменту уже давно и безвозвратно растворился в столице вместе с новой женой. Мама не то, чтобы расстроилась, а даже вздохнула с облегчением. Характерами они с папой не сошлись капитально. Она бойкая, болтливая, любительница путешествий, а он замкнутый и немногословный, проводящий много времени за книгами или перед компьютером. Выхин точно знал, что он в отца, и ему было комфортно по вечерам сидеть рядом с папой и поглядывать на экран монитора, на котором зеленые клыкастые орки строили оружейный завод.

Но при разводе никто у Выхина не спрашивал с кем будет лучше жить. Он остался с мамой, постоянно соприкасаясь с её адреналиновым нравом и слыша в упрёках фразы: «Не знаю, что с тобой делать, вот уж характер достался…»

Выхин даже внешностью и по комплекции походил на папу: вымахал на метр восемьдесят пять, весил сто десять кило, и в Мурманской школе получил уважительное прозвище «Терминатор».

– Почему мы переезжаем? – спрашивал Выхин, когда мама рассказывала ему про таинственного дядю Ваню с юга. Он не хотел переезжать. Не то, чтобы боялся - просто не любил суеты, которая немедленно бы заняла большую часть его жизни.

Мама отвечала:

– Ситуация так сложилась, понимаешь. Сложно всё. Тут ни зарплаты нормальной, ни работы, ни отношений… Я устала. Хочется чего-то такого, чтобы с ног на голову, и чтобы счастье для нас всех.

Он ни черта не понял из её объяснений, но решил, что это очередная мамин причуда, свойство характера – постоянно убегать от проблем, верить в лучшее на горизонте.

– На юге все хорошо живут, – заверяла она. – Там грецкие орехи на земле валяются, в каждом доме – огород. Помидоры с куста, огурцы, ну? Черешня, опять же, ты же любишь черешню.

Он любил свою уютную комнату, где стены были обклеены плакатами, шкаф трещал от книг, а из окна был виден школьный стадион, где зимой часто играли в хоккей местные любительские команды. Он любил холод и полярную ночь, а ещё чернику с брусникой, влажный мох на камнях, прозрачную воду в озёрах, бледный свет фонарей, отражённый от снега.

Что ему предлагали взамен?

– Я уверена, мы там будем счастливы, – говорила мама. – Все вместе.

И вот чудный пейзаж, непривычная погода, стойкая влажность, забивающаяся в ноздри. Стайка парней его возраста оккупировала скамейку у подъезда. Сидели, как положено, на спинке скамейки, похожие на воробьёв. Один крутил в руках футбольный мяч, второй игрался кассетным плеером. Они разглядывали Выхина, будто диковинную игрушку.

Кто-то сказал негромко:

– Какой он здоровый!

Раздался нестройный хор смешков.

– Жирнющий.

Кажется, подростки только что определились, как к нему относиться. Место под солнцем придется выгрызать.

Выхин заторопился. Подхватив клетчатую сумку, потопал на пятый этаж следом за дядей Ваней и мамой. Уже в квартире подавил желание броситься к окну и разглядеть пацанов с лавочки как следует. Чтобы в случае чего, потом… ну... В прошлой школе его не дразнили за рост и вес. Когда ты выделяешься на фоне остальных, люди вокруг рано или поздно привыкают. Но нужно время и умение постоять за себя. А драться Выхин умел.

– Будьте, как дома, вот ванная, вот туалет, дальше по коридору комната, ну и там дверь, это детская для Лёвы. Всё по высшему разряду.

Квартира была больше, чем та, в которой Выхин жил на севере. Просторная, светлая, с широким коридором. Санузел, опять же, раздельный. Это круто.

– Пойдём, – шепнул дядя Ваня, беря Выхина под локоть. – Покажу кое-что, пока мамка носик пудрит.

Он провёл Выхина по коридору, а затем с некоторой взрослой торжественностью открыл дверь в одну из комнат.

– Мне сказали, что ты любишь рисовать, – добавил дядя Ваня. – А я как раз люблю делать разные штуки из дерева, вроде столов и стульев. Зарабатываю этим, можно сказать. Ну вот и решил совместить приятное с полезным… Надеюсь, понравится.

Выхин сразу увидел новенький стол, стоящий у окна. Красивый, ладный стол неправильной формы, не прямоугольный, как обычно, а с закруглёнными углами и с овальным изгибом внутрь, чтобы удобнее было сидеть. На столе аккуратно лежали листы бумаги, пачка цветных карандашей, пенал, тюбики с акварелью и набор кисточек.

– Это тебе для творчества. – Сказал дядя Ваня. – Мама рассказывала, что ты любишь рисовать. Ничего не имею против. Развлекайся.

Он протопал по коридору, и где-то там начал суетиться, переносить вещи, громко болтать с мамой, наполняя квартиру жизненной суетой.

Выхин же застыл у полоски ковра своей новой детской и долго так стоял, пытаясь разобраться в ощущениях. Это место пока не приняло его, да и не понятно, примет ли.

Даже спустя много лет, во сне, поднимая с илистого дна воспоминаний давно стёршиеся образы, Выхин помнил, как стоял на пороге детской и надеялся, что в городке со странным названием ему будет неплохо.

Вот только дядя Ваня не угадал. Выхин рисовал ручкой в тетрадях, и никак больше.

3.

Перед рассветом пришёл ещё один сон. Он как будто ждал возвращения Выхина, чтобы напомнить о себе, взбудоражить образами.

Только что молодой Лёва Выхин находился в новообретённой детской комнате, а вот он же спускается по лестнице, зажав подмышкой хрустящий пакет.

Выхина отправили выбросить мусор, а затем купить хлеба и соли в магазине на углу дома. Он помнил, что прошла неделя с момента приезда в город, но не помнил, видел ли Элку раньше. Возможно, видел, но не обращал внимания. А тут вдруг столкнулся с ней у дверей из подъезда. Элка – хотя он тогда не знал её имени, но сон мгновенно настроил все детали – тоже держала в руках потрёпанный пакет. Её каштановые волосы были собраны в хвост, но чёлка закрывала лоб и левый глаз. Одета Элка была в белый сарафанчик с жёлтыми пятнышками ромашек, а на ногах – сандалии, будто сейчас было лето, а не конец февраля.

– В магазин? – беззаботно спросила она.

Он неопределённо повёл головой, не найдя сразу, что ответить. Выхин вообще часто терялся при общении с незнакомыми людьми. А вот Элке, наоборот, общение давалось легко. Едва спустились с крыльца, она предложила:

– Пойдём вместе, так веселее. Ты из какой квартиры?

– Из сорок девятой.

– Никогда тебя раньше тут не видела. А я бы запомнила. Недавно приехал?

– Недавно.

– Странный ты турист. К нам приезжают летом, на море. Зимой тут делать нечего, разве что на реках сплавляться. А больше и не знаю зачем. Даже кинотеатр закрыли прошлой осенью. Вообще скукотища.

– Мы насовсем приехали вроде бы, – ответил Выхин.

В этом сне Элка, конечно же, уже знала, как его зовут. На холоде у неё раскраснелись щеки. Выхину захотелось стащить куртку и отдать Элке, чтоб согрелась, но он этого не сделал, не в тот день.

– К дяде Ване что ли? – присвистнула Элка. – Жену нашёл? Наконец-то. Он мужик хороший, нам мебельный гарнитур сделал и кухню. Папа говорит – за копейки. Штучная работа, такое не купишь!

– Руки у него откуда надо растут, – согласился Выхин.

Он стеснялся разглядывать Элку, хотя очень хотел. Приходилось бросать на неё осторожные взгляды, пока она не видит, запоминать и складывать в копилку памяти.

Милая, милая Элка. Что она в нём такого нашла?

Глаза у неё были оранжевые, густые, как яичный желток. Губы тонкие, ниточкой. Ещё Выхину нравились её пальцы – длинные, тонкие, с аккуратными ноготками. Он вдруг представил, как Элка берёт его этими пальцами за подбородок, притягивает к себе, близко, очень близко, зажмуривается… и целует.

– Он твой отчим, получается?

– Пока ещё нет. Свадьба через три месяца вроде бы.

– И твоя мама вот так запросто переехала в другой город жить к незнакомому мужчине? Издалека?

– Она у меня отчаянная.

– А ты?

Выхин пнул валяющуюся на обочине пустую алюминиевую банку и рассказал о любимом северном городе, где остались одноклассники, кружок по рисованию, секция по баскетболу, плакаты из кино на стенах, хоккей, бокс и много-много всего родного и любимого.

– Страшно, наверное, вот так переезжать в незнакомое место.

– Не страшно, а некомфортно что ли. Представь, тебя вынули из той жизни, которая нравилась, и поставили в другую жизнь, где вообще всё незнакомо и непривычно.

Они прошли мимо старой баскетбольной площадки. Кольца были погнуты, стёрлись линии разметки, столбы густо заросли разноцветными бумажками объявлений, а асфальт пошёл трещинами и частично зарос травой. Но какие-то мелкие ребята, лет десяти или даже меньше, всё равно гоняли там мяч, упражняясь в обводке. Жизнь здесь, наверное, текла своим чередом и была ничуть не хуже. Но в эту жизнь Выхин пока еще не влился как следует.

– Я недавно читала в папином журнале штуку по психологии, – сказала Элка. – О том, как бороться с разными страхами. Их нужно изолировать. Знаешь, типа как посадить страшного большого пса в клетку. Только внутри своей головы. Вот боится человек, например, темноты. Он может представить темноту как какого-то страшного монстра и мысленно – опа! – посадить его под замок. И если повторять это действие снова и снова, то рано или поздно страх пройдёт, потому что будет крепко заперт. Сечёшь?

– Интересная задумка, – согласился Выхин, гоняя носком ботинка пустую жестяную банку.

– Дарю, как другу. Ты бывал когда-нибудь в настоящем лесу? – неожиданно перевела разговор Элка, когда они подошли к магазину.

– В таком, как здесь, нет. У нас нет больших деревьев, слишком холодно. Только сопки, карликовые березы, кустарники, болота и озёра.

– Звучит не очень.

– Это потому, что ты никогда этого не видела.

Элка протянула ладонь и сказала:

– Тогда давай условимся. Я показываю тебе здешний лес, а ты мне как-нибудь потом покажешь эти твои сопки и карликовые берёзы.

– И угощу черникой и брусникой, – добавил он и пожал Элкину руку.

Сон подёрнулся дымкой. Элка сказала:

– Я больше люблю груши.

Голос у неё сделался взрослый, из две тысячи девятнадцатого. Выхин огляделся и вдруг понял, что оказался в продуктовом магазин, которого на самом деле уже не существовало. Внутри было пусто. Плитка под ногами потрескалась, а между щелей пробивались пучки травы, мха, нелепые куцые кустики. Сквозь потолок проросли ветви деревьев, пробивались лучи летнего солнца. Свет был изумрудный, насыщенный мякотью листьев.

Прокатилась магазинная тележка, вихляя на двух колёсах, соскочила с пола и уткнулась носом в земляную мякоть. Выхин увидел, что через пять или шесть метров магазин растворяется в лесу, будто обступившие сосны, кусты папоротника, высоченные кедры пожирают стены, вместе с воспоминаниями.

Как это обычно случается во сне, Выхин не мог пошевелиться, не мог осознанно двигаться, ему оставалось только разглядывать странную трансформацию. Магазин постепенно растворялся. С сухим треском лопались плитки пола, исчезали под напором выползающей из-под земли травы. Рухнул кусок потолка, подняв облако пыли – из неё выпорхнули какие-то мелкие птицы и заверещали, мечась в останках помещения.

– Алла, Алла, в ноздри спички напихала. – Сказала Элка взрослым голосом. – Помнишь, меня так поддразнивали? Мода была на дразнилки. Это всё Андрей, идиот, притащил журнал со стишками. Ребята его до дыр зачитали и всё выучили, как положено. Ты как раз приехал в те дни, когда Андрей и его банда шлялись по улицам и искали, кого бы ещё подразнить. Вроде бы безобидно, но странно. Взрослые же люди все. Помнишь, как тебя дразнили? Помнишь самую лютую дразнилку?

Он вспомнил – впрочем, никогда и не забывал. Дразнилка была не одна. Всё, что рифмовалось со словом «жирный». Никаких богатырей, терминаторов или великанов. Только жирный.

Выхин опустил взгляд и увидел ладонь Элки, которую всё ещё сжимал в своей ладони – взрослые толстые пальцы; неухоженные, а потому короткие, ногти; под ногтями кое-где забились комочки грязи, торчали заусенцы, а ещё белел на тёмной коже большого пальца кривой шрам до запястья.

– Камнем поцарапала, – пояснила Элка, будто знала, о чём думает Выхин. – Больно, но не смертельно, не переживай. Пойдём.

Он не видел её лица, но почему-то сразу понял, что это говорит взрослая Алла, нынешняя.

– Куда?

– В лес, конечно. Только что разговаривали. Я хотела тебе показать. То самое место, где пропал Андрей, брат.

Выхин сделал шаг и моргнул. Дымка развеялась, будто откуда-то резко подул ветер. Стало холодно, как в феврале, зыбко и некомфортно.

Он стоял в магазине, у прилавка. Перед продавщицей лежали яблоки в сетке, батон, пакет молока. За её спиной выстроились рядками бутылки алкоголя и сигаретные пачки. Где-то тихо играла музыка.

– Я больше люблю груши, – повторила Элка.

Она стояла тут же, у прилавка, и разглядывала Выхина большими оранжевыми глазами. Ноздри у Элки были разорваны, в них торчали спички, штук по десять в каждой. С кончиков спичечных головок на губы Элки, на подбородок и ворот сарафана капала густая тёмная кровь.

Глава третья

1.

Утром Выхин первым делом побрился и стал выглядеть, как показалось, моложе, свежее что ли.

Ещё бы убрать набухшие мешки под глазами, морщины, впалые щеки и бледно-желтоватый оттенок лица…

Сразу после завтрака принялся во второй раз осматривать квартиру, более тщательно. Первым делом разложил на кровати найденную одежду отчима, прощупал карманы, вкладки, нашёл пятьсот рублей в нагрудном кармане старенького пиджака и ещё немного мелочи в потёртых джинсах (на всякий случай примерил их, но, конечно же, не влез, потому что Иван Борисыч был на полметра ниже и сильно худее).

Затем осмотру подверглась одежда матери – её оказалось немного, даже стыдно было, что от мамы почти ничего не сохранилось. Выхин в растерянности обшарил шкафы, заглянул в серость пыльных антресолей, внутри диванов и на балкон. Улов вышел небогатый, всего лишь два сарафана, старое платье, несколько потёртых юбок, стопка писем от него, Выхина. Писем было штук десять, не больше – Выхин писал их в университете, потом перестал. А мама вот сохранила. Признаться, Выхин давно забыл содержание. Наверняка, там были какие-то сухие отчёты о студенческой жизни, короткую выдержку для успокоения мамы, как положено.

Он взял первый конверт, выудил лист в клеточку, пробежался глазами по кривым и уже почти выцветшим буковкам. Сухое, монотонное изложение, как он и догадывался: кормят так себе, купил новые туфли, закрыл сессию, впервые прокатился на катере – понравилось. Письмо было всего на страничку. Никаких «целую», «люблю». Дата – осень две тысячи четвертого. Выхин перевернул страницу и вздрогнул – с обратной стороны на него смотрела мама, нарисованная шариковой ручкой. Молодому Выхину удалось отметить грусть в мамином взгляде, первые морщинки, серебристые нити седых волос. Снизу короткая подпись: «Рисовал по памяти, не обижайся». И он вдруг вспомнил, как создал этот портрет, сидя в комнате общаги, в наушниках, под скрип кассетного плеера. Где-то за спиной соседи играли в Quake по очереди, матерясь, отбирая друг у друга мышку и то и дело бегали к форточке, чтобы затянуться сигаретой – одной на всех. Почему-то тогда Выхину захотелось вспомнить маму, вот он и нарисовал, вкладывая в рисунок потерянные эмоции. Работа заняла час или полтора. Он ещё несколько дней размышлял, стоит ли отправлять письмо с портретом, а потом решился. Мама написала в ответ что-то про сильную любовь, но мамины эмоции давно стёрлись из его памяти.

А сейчас вернулись.

Виной всему был город, вместе с ним квартира, старые знакомства, жара, ворох вещей. Всё вокруг, в общем. Возвращалось. Выбивало из зоны комфорта. Он в очередной раз пожалел, что решил вернуться. Дурацкая затея.

Но почему же тогда приехал? Он и сам не знал. На карте страны оставалось ещё невероятное количество мест, где он не был, где его никто не догонял. Он мог помчаться куда угодно, высадиться на любой безлюдной станции любого маленького или большого города – но в последний момент решил приехать именно сюда.

Может быть это судьба? Но Выхин не верил в судьбу. Он верил в психическую болезнь, которая вызвала галлюцинации, верил в то, что никогда не сможет уснуть за пределами самодельной крепости из одеял из стульев, верил в неотвратимость наказания – но не в судьбу. Тогда зачем он здесь? Какая, блин, мотивация?

Выхин убрал письма в пакет, где хранились его сокровища. Подумав, выудил тетрадь зеленого цвета и отыскал портрет пятнадцатилетней Элки. На рисунке Элка была такая же, как и в прошедшем сне – окровавленная, с торчащими из разорванных ноздрей спичками. Кое-какие спички горели, подпалив чёлку и сделав непроницаемо-чёрным левый глаз. При этом Элка улыбалась безумной, странноватой улыбкой. Рисунок этот был последним в тетради, после него осталось еще шесть чистых страниц.

Выхин вырвал нарисованную Элку, смял, выбросил, а после стал собирать по квартире собственные старые вещи.

Их оказалось ещё меньше, чем маминых. В одном из шкафов Выхин нашёл две водолазки. На балконе в ветхой коробке лежали штаны, кроссовки, несколько рубашек. И, конечно, нашлась любимая зелёная куртка, модная, финская, с девятью карманами, включая два секретных. Устаревшая. Выхину её купил настоящий отец в Мурманске.

Сейчас куртка уже не казалась непревзойдённо крутой, как много лет назад. Она выцвела, съежилась, кое-где протёрлась. Но в этой куртке Выхин хранил самые потаённые воспоминания. Он осторожно прощупал кармашки, и в одном из секретных, подшитых под воротом, наткнулся кончиками пальцев за что-то неровное и острое. Дыхание тут же сбилось. Из ночного кошмара дыхнуло холодом и где-то внутри головы детский голос спросил: «А Лёва выйдет?»

Хрена с два!

Выхин подвернул ворот, расстегнул молнию и вытащил из кармана небольшой камешек.

Он был шероховатый и тёплый на ощупь. Не круглый, а вытянутый, с грубыми уголками. Выхин повертел его в пальцах и сразу же нашёл красные рваные линии на угольно-чёрной поверхности. Когда-то давно этот камешек был частью стены старой пещеры в лесу. Выхин закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться, пытаясь вспомнить рисунок, который завораживал его в юности, но на этот раз память не желала выуживать нужные детали. Перед глазами всплывали только обрывки линий, какие-то замысловатые узоры, белые кляксы на камнях, куски рваного мха. Запахло влажным весенним лесом, потянуло сквозняком. Зачесалась кожа на локтях и на груди. Кто-то шепнул на ухо: "Твари божии помнят тебя. А ты не забыл?».

Лес и пещера звали его к себе. Может быть из-за них он и приехал?

Выхин открыл глаза. Камешек в ладони сделался ледяным. А ещё на закруглённом краю появилась маленькая и размытая капля крови.

Видение почти сразу пропало. Ничего интересного и никакой крови. Но почему-то сразу задрожали руки. Он вспомнил, как весной двухтысячного принёс домой три таких камня и рассовал по разным местам, надеясь, что ни мама, ни отчим никогда их не найдут. Сейчас на ладони лежал один. А где ещё два? И почему это вдруг сделалось так важно? Он нахмурился, пытаясь добраться до воспоминаний, которые спрятал особенно глубоко. От которых, в общем-то, и бежал всё это время.

Ничего не получилось.

2.

Он хотел позавтракать в кафе, а не дома.

Это была навязчивая мысль, которая преследовала Выхина с пробуждения. Обязательно: крепкий чёрный кофе без сахара, омлет или яичница, жаренная сосиска и горячий бутерброд, причём с долькой помидора.

Последний раз Выхин мог позволить себе подобный завтрак больше полугода назад, когда бездумно тратил последние деньги на гребне очередной эмоциональной волны. Перед Новым годом он успел устроиться на работу консультантом в небольшой конторе по продаже оргтехники в Омске. Проработал две недели, получил аванс и в сотый, наверное, раз почувствовал острое желание сбежать из города. Крепость из простыней и стульев на съемной квартире больше не казалась надёжной, чувствовался холод преследователя, его неторопливая поступь и гнилой запах. Тогда Выхин отправился в дорогой ресторан и за полтора часа неторопливого ужина потратил девять тысяч рублей на еду и алкоголь. Именно с того похода началось его последнее на сегодня бегство.

Он прогулялся вокруг дома, прячась в тени деревьев от подступающей жары. Даже утром она заполняла всё вокруг, делала движения медленными, а мысли – вялыми. Пытался вспомнить, где тут раньше были какие-нибудь приличные кафе. Вместо столовой, где они с мамой

покупали фруктовое желе и мороженое, теперь стоял типовой банк. Рядом – ларёк, продающий шаурму и курицу-гриль. Неплохое сочетание. Вокруг него толпилась молодёжь. Сверкали намазанные кремом загорелые спины, лился девичий смех, гремела музыка. Ребёнок лет четырёх пытался одной рукой удержать надувной круг, а второй запихнуть в рот рваный клок сладкой ваты. Самое время для утреннего похода на море.

Солнце припекало, Выхин мгновенно пропотел и, перейдя через дорогу следом за цепочкой бледнокожих туристов, нырнул за стеклянную дверь кафе «Грузия». Кажется, раньше на этом месте ютились однотипные металлические гаражи.

В кафе было прохладно, это главное. К тому же вкусно пахло жареным мясом, острыми специями, кофе. Из-за стойки выглянула женщина лет тридцати с хвостиком, показавшаяся Выхину знакомой. Она улыбнулась, спросила:

– Покушать хотите? – затем улыбнулась ещё шире – так улыбаются старым знакомым, – Ничего себе, это ты!

Он неопределённо шевельнул плечом, как обычно делал, если не знал, что ответить. Женщина же затараторила с типичным кавказским темпераментом, выскочив из-за стойки.

– Выхин! Лёва! Господи, как изменился-то! На лицо бы никогда не узнала, а вот по росту – за раз! Какой был богатырь, такой и остался! Хотя, вру, ещё выше стал! Дай обниму что ли!

Она полезла обниматься, от неё пахло тушёной капустой, а Выхин никак не мог вспомнить, где видел это красивое грузинское лицо с тонкими губами и большими чёрными глазами.

– Забыл, чёрт! – радостно сообщила она, отстраняясь. – Столько времени прошло, конечно! Маро, ну? Маро из соседнего двора. Тили-тили-тесто, жених и невеста, такие дела. Помнишь?

Он вдруг почувствовал февральскую прохладу, тонкий лёд под ногами и мутную реку, лениво тащившую скопившуюся зимнюю грязь сквозь лес. У берега вода была радужного цвета. Кое-где рябью плавали веточки и гнилые листья. А на льду стояла грузинская девочка с камнями, зажатыми в кулачках. Уже тогда у Маро были такие же большие красивые глаза.

Невеста Капустина, как её называли в шутку. Обещали поженить, когда дорастёт. В двухтысячном Маро было одиннадцать. Вместе со своим старшим братом она неотступно бегала в компании местных пацанов по дворам и с неуёмной старательностью копировала за ними всё подряд.

Выхин начисто о ней забыл, а сейчас вот вспомнил. Будто открылась в голове неприметная шкатулка, выпустившая на волю облако воспоминаний: то были запахи, ощущения, детали, эмоции.

Видимо, сейчас Выхин выглядел слишком ошарашенным, потому что Маро звонко захохотала, взяла его за плечи и повела, не терпя возражения, в глубину пустого зала, мимо столиков, укрытых зелеными скатертями. Усадила на диванчик у окна, хлопнула об стол ламинированным меню.

– Заказывай, дорогой. Покушаешь, тогда голова заработает. А то будто спросонья. У нас отличные завтраки. Омлет хочешь с сосисками? Или жареная свинина. Ещё курица есть с хрустящей корочкой, закачаешься! Что заказать?

– Кофе, – выдавил он, не успевая справиться с эмоциями. – Давайте сначала кофе и яичницу что ли… И ещё что-нибудь горячее, из закусок.

– Гренки с сыром, – сообщила Маро. – Немного вина с утра, а? Настоящего, грузинского.

Выхин кивнул. Маро упорхнула через зал, за стеклянную перегородку, откуда доносились запахи еды и лилась грузинская музыка.

Вспомнил кое-что ещё. Одиннадцатилетняя Маро швыряла в него камешки и называла жирным, как все в их компании. Она же протянула Капустину металлический кусок трубы и сказала (Выхин точно воспроизвел в голове грузинские шипящие согласные, разорвавшие морозный воздух): «Выщиби ему зубы, штоб не болтал разного».

Но прошло девятнадцать лет. Маро выросла и стала другой. Люди меняются. Почти всегда.

Взрослая Маро вернулась с подносом, поставила перед Выхиным тарелку с яичницей, бокал вина, уложила столовые приборы, несколько кусочков чёрного хлеба, а потом села на диван напротив, сложив руки на столе.

– Господи, ты так изменился! – повторила она. – Слов нет. Смотрю на тебя и понимаю, как быстро бежит время. И как оно меняет людей.

Он надломил хлеб, макнул кусочек в яичный желток.

– К отчиму приехал? Я слышала, он умер. Печальная история.

– Все умирают, – ответил Выхин.

– Ты же не злишься на меня? – глаза Маро округлились. – Выхин, серьёзно? Столько лет прошло! Я уже почти и не помню ничего. Да, задирали тебя. Гоняли по лесу, было дело. Думаешь, мне не стыдно? Я Вано говорила, что он форменный идиот, раз шлялся за этим Капустиным! Ну ты же знаешь, как бывает – когда вся толпа бегает за лидером, сложно включать здравый смысл. У меня и в мыслях не было, что ты до сих пор…

Выхин слушал её торопливый говорок с акцентом, а сам ел, наслаждаясь каждым кусочком яичницы и каждой крошкой хлеба. Отпил вина, разомлел от забытого вкуса. Палёное вино на вокзалах, которое продавали на розлив в пластиковые стаканчики, было отвратительно-кислое, с ощутимым привкусом уксуса и спирта. А тут… За одно только вино он готов был простить Маро вообще всё.

– Ты мелкая была. – Сказал он и сделал ещё один глоток. – Поговорку помнишь? Кто старое помянет – тому глаз вон. Я и сам всё давно забыл.

– Прости меня, в общем, дорогой. Смотрела на старших ребят большими влюблёнными глазами! Ничего такого не хотела.

Растроганная Маро снова полезла обниматься. Выхин, вежливо покашливая, отстранился, тут же принялся за еду, допил бокал вина и спросил, можно ли ещё?

– Конечно! Для тебя всё, что угодно! За знакомство, за возвращение!

Она снова упорхнула за стеклянную перегородку и почти сразу появилась с открытой бутылкой.

– Пока людей нет, посидим спокойно, пообщаемся. – Сказала она, наливая Выхину полный бокал. – А то с одиннадцати набегут туристы, спасения от них нет. Жрут всё подряд, как будто только на юге нормально кормят. Не поверишь, загибаю пальцы, считаю дни, когда же это проклятое лето кончится. Терпеть не могу сезон.

– Чего же тогда работаешь?

– Больно много тут мест, чтобы работу выбирать, – в её руке появилось влажное вафельное полотенце. Маро принялась обмахиваться им, ещё больше распространяя вокруг себя запахи еды. Кислые щи и тушёное мясо не вязались с её красотой и грузинской грацией. – Собиралась в Сочи уехать, поступать, но так и не доехала. Застряла тут навсегда. Не жалуюсь, конечно. Все в порядке. Семья, работа, живы-здоровы, и это счастье. А ты вообще откуда к нам примчался?

– Из Москвы.

– Ну вот, столичный. В Москве-то, наверное, каждая собака себе дело найдёт. А тут всё по-другому. Приходится работать, куда взяли. Вано знаешь где работает?

Старший брат Вано постоянно таскал расчёску, чтобы приглаживать чёрные густые волосы. Драться не умел совершенно, зато отлично разбирался в музыке. Это всё, что о нём помнил Выхин.

– Дальнобойщик! – выпалила Маро, будто в этой профессии было что-то противоестественное. – Мотается по всей стране, от Хабаровска до Туапсе. Я его вижу раз в три месяца. Скоро совсем забуду. Живот отрастил вот такой. Сначала в кафе входит его живот, потом

сам Вано… Вообще, вся компания наша развалилась, – добавила она, подразумевая ту стайку подростков, которая гонялась за Выхиным по лесу. Брата своего, рыженькую Ингу, Сашку и Вадика. – Как Капустин пропал, так сразу все и разбежались. Капустина-то не забыл?

Выхин молча изобразил над головой цилиндр, который натянул плотно на глаза и будто застрял в нём. Маро хихикнула.

– Точно, точно! Андрей-бармалей, сделал шляпу из гвоздей! Зачётная дразнилка! Бесила его, – взгляд Маро сделался задумчивым. Она добавила негромко. – Страшно всё это было, конечно.

– Что именно?

– Его исчезновение. Раз – и пропал без следа. Тело до сих пор не нашли, ты в курсе? Говорили, рекой унесло.

– Я был в первом поисковом отряде, – напомнил Выхин, отпивая вина, чтобы быстрее опьянеть. Пьяные мысли легче. – Мы прочесали лес от и до. Я, моя мама, отчим. Ваши родители тоже, родители Элки. Весь городок прочесывал.

– Верно. Я не помню подробностей, меня не пустили. Родители ходили, Вано. Элка так вообще с катушек слетела. Видел её? Безумная стала. После того лета ходила на поиски брата сама, потом привязалась к каким-то волонтёрам и несколько лет чуть ли не каждый день излазила наш лес вдоль и поперёк. По обеим рекам сплавлялась. Брата, конечно, не нашла, но с тех пор людей ищет по всему югу, мотается то в Сочи, то в Краснодар. Говорят, у неё бзик так и не прошёл.

– Мы уже пообщались. – Сказал Выхин. – Странная она, тут ничего не скажешь.

– А я помню вы были влюблены. – хихикнула Маро. – Элка за тебя заступалась. Капустин только ее и слушался. Вот же досталось девочке. Сначала брат пропал, потом ты уехал. Странная жизнь, конечно. Раскидала всех. Ещё Толик из третьего дома тут недалеко работает, но я с ним вообще не пересекаюсь. Он хирургом стал. Большой человек. Вадик уехал… Инга родила троих и тоже умотала в Геленджик с мужем. Сюда приезжают разве что к родителям. Вижу их иногда, забегают покушать, поболтать.

Выхин, слушая Маро, допил второй бокал, сам себе налил ещё. Мысли его потекли совсем уж хаотично, сделались лёгкими и приятными. Выхину захотелось продолжить день с похода к морю. Искупаться в прохладной воде, сгореть, а потом вернуться в квартиру и завалиться спать, прямо лицом в подушку, чтобы песок ещё не успел ссыпаться с влажных ног. И только после всего этого, проснувшись, подумать о своей никчёмной жизни и что с ней делать дальше.

–…а ты как устроился, спрашиваю? – кажется, Маро повторила вопрос уже несколько раз.

Он пожал плечами.

– Не знаю. Работаю то тут, то там. Где придется. Путешествую много. Не люблю сидеть на месте, знаешь ли. Меня бы в этом городке ничего не удержало.

– Бизнесмен? У нас только бизнесмены путешествуют.

– А похож?

– Неа. Похож на очень уставшего человека. Как будто шёл к нам пешком из Москвы.

– Можно и так сказать, – отмахнулся Выхин. – Я и сюда ненадолго. У меня есть карта, старая, советская еще. Иногда хочется развернуть ее, сил нет. Читаю названия городов, пока не зацеплюсь взглядом за какой-нибудь. Неважно где. Хоть на Дальнем Востоке, хоть в Заполярье. Собираю вещи и еду туда сразу же. Там и живу, пока снова желание не возникает.

– То есть ты и наш городок вот так зацепил?

– Нет. Здесь что-то другое. Он не отпускает. Вспомнил о нем, долго думал, сопротивлялся, но все же приехал.

Маро хотела что-то сказать, но в это время в кафе вошла семья с парой визгливых детишек, который наперебой спорили, чей водяной пистолет лучше. Кажется, победителем должен был стать тот, кто громче орет. Все они были обгоревшие до красноты, упакованные в купальники и плавки, с резиновыми кругами подмышками, с полотенцами и зонтиками. Выхин вспомнил о своём желании искупаться, быстро доел и поднялся.

– Денег не надо! – сказал Маро, проходя мимо с подносом еды для туристов. – Считай, во искупление вины. Забегай, поболтаем ещё.

3.

Вано Циклаури въехал в город в половине десятого вечера.

Он торопился к закату, но задержался на выезде из Туапсе из-за огромной пробки – две фуры не разъехались на перекрёстке, зацепили какого-то лихача, мчавшегося по обочине, и в итоге все трое устроили затор, за который гореть им в аду вечность.

Вдобавок два часа назад сдох кондиционер: начал гонять горячий вязкий воздух по салону, будто Вано был курицей-гриль, вертящейся на металлическом пруте, воткнутом в задницу. Вано ругался, успокаивался, снова ругался, включал и выключал музыку (от которой, конечно, тоже успокаивался, но ненадолго), выжимал сто двадцать километров по прямой – но ничего из этого не позволило ему приехать до заката.

Ночь обвалилась внезапно, как это бывает на юге. Минуту назад солнце еще висело над макушками деревьев, а затем будто нырнуло за густые шапки навсегда. Тут же на небо высыпали звезды, показался край оранжевой летней луны. Деревья по обочинам дороги превратились в монстров, монотонно качающих кучерявыми головами.

Вано закурил, приоткрыв окно. Ловил взглядом в боковом зеркале брызги искр от сигареты. Ветер, ворвавшийся в салон, обжигал. Лето в этом году было – хоть святых выноси. Не лето, а пекло. Говорят, пару дней назад был побит тепловой рекорд какой-то там хренолетней давности. И, знаете, ощущается. Больше всего хотелось примчаться скорее домой, прыгнуть в летний душ, под струи прохладной воды, и бегом, бегом под кондиционер и под бок к жене.

Каждый раз, возвращаясь из месячной поездки, Вано клялся, что бросит неблагодарную работу, найдёт что-нибудь спокойнее, недалеко от дома. Хотелось чаще видеть жену, воспитывать детей, а не вываливаться из нормальной жизни, превращаясь в спичку, плывущую в извилистом потоке реки непонятно куда и непонятно зачем. Какой смысл в жизни, если не уделять внимание близким и дорогим тебе людям?

Клялся, конечно, но выходило, что врал сам себе. Ничего он не бросит и никогда не устанет от бесконечных дорог, многокилометровых поездок, от ночей в салоне автомобиля, от старого кассетника, музыку на который было достать всё сложнее, и искорок в отраженье бокового зеркала. Через неделю – максимум две! – Вано поймает себя на мысли, что хочет откатить старого механического друга в салон к Егорычу, забраться под капот, пропахнуть насквозь машинным маслом, а потом завести мотор, рвануть прочь из этого города в очередное путешествие по безграничной стране. И никаких близких, никаких дорогих людей в это время для него существовать больше не будет.

Замкнутый круг, в общем. Где-нибудь на Алтае он безумно скучал по жене, детям и по сестрёнке, а дома – по горам, степям, одиночеству и по сухому колючему ветру…

За тридцать километров до въезда в город, дорога сузилась до двухполосной, принялась вихлять серпантином. Лес подступил ещё ближе. В свете фар Вано уловил какое-то движение. Что-то блеснуло на обочине – будто чьи-то глаза – и вдруг резко прыгнуло на дорогу.

Чёртовы лисы! Он сбивал их здесь по две-три в год. Город следовало назвать «Лисий ад».

Вано крутанул руль, выезжая на встречку. Что-то ударилось о бок, тяжелый старый «шишарик» тряхнуло, да так, что с панели сорвался видеорегистратор и улетел на пассажир-

ское сиденье. Кассета взвизгнула и заглохла, обрывая песенку с въедливым припевом на полуслове.

Похоже не лиса. По трассе, бывает, мотались ошалевшие байкеры, срезающие дорогу до Туапсе или в поисках диких пляжей. Летом их было особенно много. Они не рисковали соваться на серпантин ночью, но мало ли…

Вано по широкой дуге вырулил обратно на свою полосу – благо навстречу никто не попался – съехал на грунт, включил аварийку.

Как говорится, если уж не везёт, то по-крупному.

Он открыл дверь, тяжело спрыгнул. Ночь не спасала от жары. Духота тут же сдавила виски, на лбу проступили капли пота.

Подмигивающая аварийка и фары освещали извилистый след от шин, раздробленный гравий, пучки травы, разлетевшиеся вдоль обочины. Но больше ничего не было. Ни крови, ни байкеров, которых автомобилисты часто величали «кеглями». Пусто и тихо.

Он пожевал губами недокуренную сигарету, оглядываясь, и вдруг уловил движение справа. Резко развернулся, поздно соображая, что забыл прихватить из салона ломик. Негоже в темноте на пустой дороге высовываться из машины просто так. Разное может случиться.

– Привет, Фантомас! – сказали из темноты леса мальчишеским голосом. – Гулять пойдёшь?

Хлёстко рванули в стороны мясистые кусты, будто кто-то раздвинул их гигантским руками. Гравий на обочине пришёл в движение, начал ссыпаться вниз, к подножию леса. Из темноты, ставшей вдруг густой, похожей на желе, вышел паренёк лет шестнадцати. Он улыбался, разглядывая Вано. Повторил негромко:

– Так чего? Гулять пойдём или как?

Вано почувствовал, как в груди зарождается ужас, ледяным комком поднимающийся к горлу.

Он узнал вышедшего. Это был Андрюха Капустин, пропавший девятнадцать лет назад. Всё тот же Андрюха, не изменившийся, не выросший. Влажные светлые волосы прилипли ко лбу, к щекам, закрыли правый глаз; губы расплылись в улыбке, создавая обманчиво милые ямочки на щеках; одет был в чёрные штаны, в пухлую куртку не по сезону, в цветные перчатки и рыжие ботинки, купленные где-то в Европе отцом – ими Капустин особенно гордился в то время. Руки засунул в карманы и сутулился, втянув голову в плечи.

Только это ведь не мог быть Капустин, верно?

Из темноты за спиной призрака дыхнуло холодом, и вмиг листья на ветках деревьев скорчились, потемнели и осыпались. Трава покрылась сверкающим инеем.

Из рта Вано вырвались клубы пара, он подавился морозом, закашлял, роняя сигарету под ноги. Кончики волос, секунду назад влажные от жары, закостенели от холода.

– А ты почти не изменился. – Сказал Капустин, неторопливо приближаясь. – Такой же страшный. Уши – клапаны, к морде приляпаны, ахаха, смешно было.

Вано отступил на шаг, чувствуя, что мышцы заледенели тоже, будто он простоял на лютом морозе минут двадцать, не меньше. Левую ногу свело судорогой. В свете фар были видны кружащиеся снежинки. Они падали на гравий и тут же таяли.

– Ты откуда взялся? – спросил Вано.

Голос у него охрип, сломался и на последнем слоге сделался таким же мальчишеским, как у Капустина. Это был голос из двухтысячного, когда Вано ещё ни разу в жизни не брился, не занимался сексом и водил автомобиль всего четыре раза, с отцом на боковом сиденье.

Капустин весело рассмеялся, поднимаясь по насыпи. Ветки деревьев вокруг него, кустарники и трава – всё замерзало, скрючивалось и чернело.

– Я же здесь родился, Фантомас, дружище. Забыл, что ли? Мы с одного двора, – заговорил он таким тоном, будто всего пару часов назад они с Вано сидели на крыше бани и подглядывали

через дырку в шифере за моющимися женщинами. – Блин, вот уж не думал, что меня так быстро забудут. Ты как вообще, готов гулять-то?

Вано прислонился спиной к колесу «Шишарика». Оно было спасительно-горячим, почти обжигающим. Автомобиль, старый дружище, не поддавался мороку или гипнозу – или чёрт возьми вообще чему? – и находился в реальности, в нормальном мире, где лето, ночь и луна, похожая на желток протухшего яйца.

– Я ребят хочу собрать, – заговорил снова морок.

Как же он был похож на того Капустина, с которым Вано впервые распил банку пива! Тот же скуластый пацан, высокий и костлявый, постоянно высокомерный и самый умный в их компании. Заводила и лидер.

– Каких, блин, ребят?

– Всех наших, – ответил морок. – Всех, кто разбежался. Нормальная же компания была, да? Мне нравилась. Вместе мы сила.

Он неожиданно оказался так близко, что Вано увидел застывшие льдинки на ресницах, и ещё увидел, что кожа на лице у Капустина покрыта инеем.

– Господи! – крякнул Вано изломанным голосом и начал медленно оседать на землю. – Господи, сущий на небесах, да святиться имя твоё…

– Смотри, что я нашёл, – перебил Капустин, нависнув над Вано, став выше и больше, сросшись с ночью, накинув её на плечи, будто плащ.

Он держал в руках шляпу, цилиндр. Она была целиком сделана из гвоздей, которые причудливо переплетались друг с другом, цепляясь шляпками, образуя высокую тулью и плоский верх. Поля цилиндра заканчивались толстыми концами гвоздей, загнутыми вниз. Несколько гвоздей торчали в разные стороны, будто неведомый мастер не знал, что с ними делать.

Впрочем…

Капустин небрежным движением головы смахнул с правого глаза подмёрзшую чёлку, и она обнажила две дырки в его голове: одну над бровью, вторую – вместо глаза. Кожа вокруг пустующей глазницы тоже замёрзла и покрылась толстыми венозными наростами.

Вано разглядел ещё несколько дырок, ранее не заметных. Он понял, что сейчас произойдёт и забормотал молитву своим старым новым голосом ещё усерднее, ещё торопливее, надеясь на чудо, хотя никогда до этого ни во что подобное не верил.

Капустин, будто позируя, поднял шляпу и надел её на голову. Торчащие книзу острые концы гвоздей медленно и с влажным звуком погрузились в отверстия в голове. Остриё трёхсотмиллиметрового гвоздя вышло из глазницы. Блестящий кончик его был покрыт чем-то вязким и жёлтым.

– Сидит, как влитая, – хмыкнул Капутин, вперив в Вано единственный уцелевший глаз. – Классно смотрится, да? Меня всегда бесила дразнилка про шляпу, но потом я подумал и решил, что она – самая лучшая. Также, как и для тебя, Фантомас, я приберёг одну. Про уши. Помнишь ведь?

Внутри головы у Вано громко треснуло. А затем пришла боль.

Вано закричал, разом забыв все молитвы, которые и так толком не знал. Из горла хлынула кровь.

– Уши как клапаны, – хихикнул Капустин, приблизившись так близко, что кончик гвоздя, торчащий из глаза, царапнул Вано щёку. – Пошли гулять, дружище. Когда во всех окнах погасли огни, и всё такое.

Глава четвертая

1.

Загорел Выхин отвратительно, но при этом наслаждался ощущением зуда, колкостью сухого песка, забравшегося под одежду, лёгким головокружением. Всё это как будто возвра-

щало его к жизни, выхватывало из замаринованного состояния, в котором он пребывал последние годы.

Пляж, кажется, не изменился за двадцать лет. На влажной гальке всё так же лежали, сидели и бегали местные и приезжие – различить их было нетрудно. Волны накатывали на берег, вынося горсти водорослей, медуз и камешков. Огромный скользкий валун, который торчал из воды метрах в двадцати от берега, оккупировала стайка молодёжи. Выхин помнил, что у валуна были три точки для прыжков – полтора метра, три и пять. С верхотуры прыгали только самые отчаянные или безнадёжно влюблённые, что, впрочем, одно и тоже.

Отличие от начала двухтысячных всё же было – бетонный выступ вдоль берега, ранее пустовавший, теперь занимали торговые палатки, киоски и небольшие кафешки. Людей вокруг них тоже было полно, не протиснуться. Когда Выхин, вдоволь навалявшись, возвращался с пляжа, он даже постоял немного в очереди за варёной кукурузой, прикупил три штуки, а заодно и ноль пять литра холодного кваса в запотевшем стакане. Пожалуй, именно этого ему так не хватало в последние годы: простого бездумного отдыха на берегу моря в сорокаградусную жару.

Солнце клонилось к закату, налилось бордовой спелостью, окрасило море в тёмные тона. Ветер уже не так обжигал, как днём, хотя всё ещё был горяч и не ласков.

Возвращаясь домой, Выхин сообразил, что вышагивает по улицам как самый похабный турист, то есть в плавках и шлёпках, держа одежду подмышкой. По красноте его лица, шеи и живота легко можно было понять, что Выхин приезжий. Кожа зудела, а перед глазами слегка плыло с непривычки.

На лавочке у дома сидели те же подростки, которых он встретил вчера. Каждый уткнулся в собственный телефон, на Выхина никто не обратил внимания. Он был уже взрослым, из другого мира или даже Вселенной.

Выхин прошёл в раскалённый от жары подъезд, и тут ему стало дурно. Наверное, догнал запоздалый тепловой удар. Непривыкший организм окончательно сдался под напором южного лета. Прислонившись к шершавой стене, Выхин потёр виски, закрыл и открыл глаза. Вспомнил про спасительный кондиционер, который ещё с утра оставил на двадцати двух градусах. Нельзя так экспериментировать с собственным здоровьем, не мальчик.

Мотнув головой, разогнал размякшую, словно серая бумага, пелену перед взором и увидел на ступеньках то ли почудившийся, то ли вполне реальный силуэт Аллы. Вроде она была настоящая, живая, а не образ, сотканный из-за жары.

Алла смотрела наверх, задрав голову, в квадрат лестничного пролёта. Как будто прислушивалась к чему-то. Когда дверь подъезда закрылась, звонко щёлкнув магнитом замка, Алла вздрогнула, резко развернулась, и Выхину показалось, что у неё желтые провалы вместо глаз и дыра вместо носа. Будто на него смотрел мертвец. На самом деле, шутку сыграло освещение и дурнота, растекавшаяся в голове.

«Ей тридцать четыре» – напомнил себе Выхин.

Как же люди по-разному выглядят в одном и том же возрасте. Он знал женщин, которым было ближе к сорока, и они казались моложе, краше, лучше подруги из детства.

– Напугал, балбес, – выдохнула Алла. Взгляд забегал по Выхину. – А чего голый ходишь? Девок распугиваешь? У нас так не принято.

– Я приезжий, мне можно. – ответил Выхин. – А ты что тут делаешь?

Она была одета в камуфляжную форму тёмно-болотного цвета и в изношенные берцы с полосками серой подсохшей грязи вдоль подошв. Под животом – барсетка. На левом плече болтался полупустой походный рюкзак. Выхин тут же вспомнил утренний разговор с Маро. Кажется, Алла была пьяна.

– На поиски? Волонтёрство?

– Ага, Выхин, волонтёрство, – ответила Алла, размазывая по вискам проступившие градины пота. – Одевайся, со мной пойдёшь.

– Я не планировал.

– Ты всегда так отвечаешь, когда нужно помочь даме? У нас тут поиски. Пацан один пропал с соседнего района. Ушел вчера ночью из дома и не вернулся, представь. Родители нормальные, благополучные. А у пацана склонность к путешествиям. У себя на страничке в социальной сети объявил, что хочет сплавиться по реке на резиновой лодке. Лодку, кстати, тоже с собой прихватил.

Алла похлопала себя по карманам, вытащила помятый лист, протянула Выхину. Ориентировка. С листа на Выхина смотрел паренек лет пятнадцати. Ничего примечательного: светлые волосы, ямочки на щеках, тонкие губы.

– Ну, сплавится и вернется, – неуверенно пробормотал Выхин.

Он потёр виски, разгоняя подступающую боль. А вдруг вокруг уже не реальность? Вдруг он валяется где-то на пляже, его откачивают врачи, поливают лицо минералкой и ставят капельницу? Или, что ещё хуже, никто не заметил ещё одного уснувшего, и он тихонько скопытиться к утру. Какая ирония, увидеть море и умереть.

– Можно я к себе поднимусь? – попросил он. – Ноги не держат. Я как-то не готов по вечерам бегать по лесу в поисках людей. Не моя работа.

Глаза Аллы нервно бегали. Она подалась вперёд, взяла руку Выхина в свою руку. У неё были ледяные пальцы. Ледяные и влажные. Можно ли чувствовать холод в мороке?..

За спиной Аллы скрипнула входная дверь её квартиры. В образовавшейся небольшой щели будто появился кто-то, но сразу же исчез.

Выхин хотел сказать, что Алла не в себе, что ей лучше сейчас вернуться в квартиру, отоспаться или выпить какие-нибудь лекарства – какие-то она наверняка пьёт! – а ещё лучше вызвать скорую и не выходить на улицу, пока не придёт в себя. Но Алла его опередила, она спросила:

– Санаторий помнишь? Тот самый, где остались семёрка и восьмёрка Капустина? Нам туда. Наш квадрат. Говорят, пацан решил там переночевать. Сбегаем быстро, прочешем местность и обратно, хорошо? А потом напьемся и переспим.

– Что ты сказала?

Перед ним снова стояла Элка. Постаревшая, пополневшая, с мешками под глазами, с поредевшими и жирными волосами, собранными в хвост. Но – Элка, а не Алла. Девочка из прошлого, первая настоящая любовь.

– У нас людей не хватает, – ответила Алла. – На весь город двадцать человек. А остальные – каждый сам за себя. Представь, что этот пацан такой же, как ты. Убегает от мира и не понимает, какой опасности себя подвергает. Как он будет сплавляться по реке? Выживет? Я не уверена. Надо помочь, Лёва.

Выхин тряхнул головой, в надежде проснуться на пляже, оказаться где-то в другом месте, хоть в больнице, хоть на скамейке безымянного вокзала в другом городе.

Он не хотел возвращаться в санаторий – и одновременно очень хотел. Забытые дурные воспоминания утащили за собой в бездну и хорошие воспоминания тоже. Память иногда бывает неразборчива, как старый алкоголик.

Дверь в подъезд отворилась и в пролёт ввалилась та самая ватага подростков, что ранее оккупировала лавочку. Выхин посторонился. Ему на миг показалось, что Алла сейчас присоединиться к толпе пацанов. Закричит, как в юности: «Погодите, не спешите!» и исчезнет на следующем лестничном пролёте. Но подростки прошли, никого вокруг не замечая, галдя и слушая музыку. Новомодный бит гулко разносился по этажам.

– Пойдём, – повторила Алла, убирая ориентировку в нагрудной карман. – Пожалуйста.

Выхин вздохнул. Он уже понял, что согласится.

– Учти, презервативы я не захватил, – неловко пошутил он, натягивая влажную футболку и штаны, прилипающие к ногам.

Алла неопределённо хмыкнула.

2.

Ночная прохлада не спасала от зуда на раскрасневшейся коже.

Выхин вышагивал по узким улочкам старого городка. Он не разбирал дороги, но точно знал, что идёт в верном направлении. Все эти тропки, узкие улочки, тесные дворы, забитые автомобилями, давно осели у него в подсознании, в личном потаённом навигаторе.

Алла молчала, а он не хотел разговаривать. Как и всегда, впрочем. Крутил в голове воспоминания, которые были такие же чёрные, как южное ночное небо.

Двадцать минут пешком.

Тут раньше были ступеньки наверх, к дороге, а теперь – синий строительный забор, за которым выглядывает недостроенное кирпичное здание. Чуть дальше высился новенький пятиэтажный дом, весело подмигивающий вывесками на магазинах, оккупировавших первый этаж.

Обошли через кустарник по широкой дуге и забор и строительный мусор. Элка провела, сжимая ледяной ладонью его ладонь. Ещё дальше, мимо пятиэтажной панельки, где в скверике перед подъездом загоревшие мужики звонко хлопали костяшками домино по поверхности стола. Жёлтые пятнышки фонарного света вспыхивали то тут, то там. Вырулили на дорогу, пошли вдоль обочины, потому что тут и раньше-то не было тротуара, а теперь вообще всё заросло к чертям.

На бедре у Аллы сухо щелкнула рация. Чей-то мужской голос произнес:

– Что-то устал я. Десятый и двенадцатый квадраты чистые. Никого. У вас как дела?

Алла ответила:

– Это Кривопалова. Нашла знакомого в помощники. Двигаемся к санаторию.

– Нужна помощь? У меня один освободился, Пашка из парикмахерской. Может подъехать.

– Не нужно, – Алла посмотрела на Выхина, будто оценивала. – Местность знакомая, быстро управимся.

– Как знаешь. Не думаю, что пацан в санатории. Надеемся на лучшее, конечно, но ты же в курсе, да?

– О чем ты должна быть в курсе? – спросил Выхин.

Алла шевельнула плечом и сказала, будто нехотя:

– У нас тут за последние пять лет три ребенка пропали в лесу. Раньше тоже пропадали, это не новость. Местность не самая лучшая для прогулок. Две реки, опять же. Но эти трое… есть совпадения, в общем. Сбегали, оставляя записки, что хотят попутешествовать. Один взял отцовский мопед. Второй прихватил с собой палатку. Третий – лодку надувную.

– И что в итоге?

– Ни одного до сих пор не нашли. Как с моим братом.

Свернули на гравийный съезд в лес. В двухтысячном на обочине стояла бетонная стела с надписью: «Санаторий «Ласточка». Сейчас от стелы остался только щербатый постамент, покрытый мхом. Кругом валялись окурки, пустые бутылки, а постамент подпирали мешки, забитые мусором.

– В санатории теперь шашлыки жарят, – внезапно сказала Алла. – Отличное место, как раз вокруг бассейнов.

– Думаешь, пацана уже не найти?

– Надо верить в лучшее, ты же слышал. Мало ли, во что я верю. В моей практике гораздо больше найденных подростков, чем пропавших без следа.

Тропка сузилась и через двадцать метров упёрлась в проржавевший шлагбаум. За ним был виден бетонный забор, огораживающий санаторий. Выхин помнил, как впервые перебрался через этот забор вон там, слева. Все местные знали, что в одном месте бетонная плита ниже из-за провала земли. Можно было допрыгнуть до края и перелезть. Наверху торчали осколки стекла, залитые цементом, как раз на случай, если кому-то взбредёт в голову забраться. Так вот именно в том месте, где все перелезали, стёкла давно посбивали камнями.

Они остановились. Выхин почувствовал, как перехватило дыхание от острого и непривычного ощущения. Заколотилось сердце – запрыгало в висках и в груди. Ноги подкосились, пришлось упереться в колени ладонями, чтобы не упасть.

– Ты нормально себя чувствуешь? – спросила Элка.

Ночь вокруг наполнилась вязкостью. Во рту стремительно пересохло.

– Перегрелся немного.

– С местным солнцем не шутят.

Выхин увидел полуоткрытые ворота в темноте. Вспомнил, что они были синего цвета, со звездой на каждой створке. В феврале вокруг ворот скопились грязные снежные сугробы. Они вроде бы и сейчас проступили – холодные даже в августовской жаре.

Подступило ощущение нереальности. Он хотел сдвинуться с места, но понял, что ноги как будто зарылись в сухую гальку. Что-то странное творилось. Из рта вырвался пар. Морозный ветер накинулся, как радостный пёс, облизал щёки, влажные губы, пересохшие глаза. В этот самый миг Выхин сообразил, что мир будто делится надвое – прошлое и настоящее влезли в его сознание равноправными хозяевами. Алла, располневшая, в камуфляже, с барсеткой, всё ещё стояла в летней темноте, но вокруг неё забрезжил зимний февральский свет, косой и серый, холодный и дымчатый.

Выхин крутанулся на месте, не понимая, что происходит. Алла открыла рот и что-то сказала. Слова донеслись издалека, словно сквозь вату, неразборчиво. Что-то вроде: «Совсем от жары…». Он и сам почувствовал, как дурнеет нутро, едкая желчь подбирается по пищеводу к горлу, как свело живот и скулы. Всё один к одному.

Элка протянула руку, сжала крепко плечо и сказала:

– Поднимайся, жиртресткомбинат!

– Что?

Он моргнул. Элке пятнадцать. Вот же она перед ним, утончённая, худенькая, в желтом пуховичке, с косынкой на голове и в белых колготках. У Элки были классные прорезиненные сапожки с мехом. Сейчас она нетерпеливо топтала ими грязный снег на обочине.

– Я говорю, давай живее. Весь день валяться будешь?

А вот и сам Выхин, только моложе на девятнадцать лет. Большой и неуклюжий, с нелепо торчащими из-под шапки раскрасневшимися ушами. Он поскользнулся на замёрзшей луже и упал в кусты.

Это был вечер девятнадцатого февраля. Элка встретилась с Выхиным в продуктовом магазине и пригласила смотаться в санаторий, искупаться в термобассейнах. Все местные подростки туда бегали. Делов-то: перебираешься через забор, нагло идёшь в гардеробную, берёшь полотенца (опять же, нагло) и вэлком, как говорится, на курорты Краснодарского края. Никто никого не гонит. А если повезёт, то потом можно будет прошвырнуться на ужин в столовую. Тогда шведский стол был модной диковинкой…

Выхин смотрел на себя молодого как бы со стороны, но при этом сам же ощущал тающий снег, забившийся за шиворот, покалывание мороза на щеках, рыхлый сугроб, в котором болтался, как рыба на берегу. Так часто случается в снах – сознание проматывает плёнки из прошлого, оставляя человека в стороне, невидимым наблюдателем с мыслями и эмоциями, но при этом сращивает его с самим собой из прошлого.

Элка рассмеялась, прикрывая рот рукой в варежке. Какая же она была красивая – молодая, пятнадцатилетняя Элка. Вся жизнь у неё была впереди.

– Вставай уже, великан, – сказала она, продолжая хихикать. – Мы так до ночи не доберёмся.

И он провалился в прошлое, как под лёд.

Юный Выхин стряхнул снег с колен, обтёр лицо. Ему стало неловко. Тут всё было чужим и пока ещё неизведанным. Таким оно и останется на много лет. Взрослый Выхин прекрасно это знал.

Элка потащила его вдоль сугробов налево от подъездных ворот. Где-то за их спинами заскрипели по гальке колёса подъезжающего автомобиля. Выхин оглянулся через плечо, увидел, как поднимается шлагбаум, открываются створки со «звёздами», а за воротами сверкающая от снега дорога, гирлянды, развешанные на фонарях, парковка, набитая автомобилями, гуляющие люди, стопки «ватрушек» и частокол лыж. В санатории кипела жизнь.

– Нас точно не погонят? – засомневался Выхин.

В Мурманске он был заводилой и не имел ничего против спонтанных приключений. Но здесь дела обстояли иначе. Сложно соваться в передряги, когда за спиной нет верных друзей, да даже не знаешь толком, куда бежать и где прятаться в случае чего.

– Разгар сезона. У санатория наполняемость – четыре с половиной тысячи человек. Думаешь, кто-то знает всех в лицо? Не смеши. Ты вообще за туриста легко сойдёшь.

– Почему?

– Нелепый и огромный. У нас в городе таких не водится. Всё, пришли. Нам сюда.

Элка показала на забор, одна плита которого была ниже, чем другие. Будто щербатый зуб во рту подростка.

– Подсади, чего ждёшь?

Он безропотно подсадил, уловив приятный аромат Элкиных духов. Перебрался сам, оцарапал ладонь о нервный осколок стекла, торчащий из бетона. С обратной стороны густо росли ёлки. Среди них удобно было прятаться. Свежо пахло хвоей. Метрах в трёх впереди по тропике пробежала галдящая стайка детей. Дождавшись, когда они отойдут достаточно далеко, Выхин и Элка продрались сквозь ёлки и вышли на тропинку. Выхин почувствовал возбуждающую дрожь, какая возникает, когда нарушаешь очевидные правила. С кем не бывало? К примеру, если нажать на дверной звонок неизвестной квартиры и убежать. Или взять в супермаркете конфету на развес и незаметно забросить в рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.